

ЮЛИЯ *Женищина, которой суждено*

ШИЛОВА

КРИМИНАЛЬНАЯ
МЕЛОДРАМА

**Ловушка
для мужчин,
или Умная, красивая, одинокая**

НОВАЯ ЖИЗНЬ ЛЮБИМОЙ КНИГИ + СУДЬБЫ В ПИСЬМАХ

Юлия Витальевна Шилова

Ловушка для мужчин, или Умная, красивая, одинокая

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=600585

Ловушка для мужчин, или Умная, красивая, одинокая: АСТ, Астрель;

М.;; 2010

ISBN 978-5-17-069860-8, 978-5-271-30502-3

Аннотация

После смерти отца, известного адвоката, Евгения одиноко живет в огромном загородном особняке. Соседи считают ее чокнутой – она хороша собой, но старается не выходить на улицу, не поднимает на окнах жалюзи и не зажигает в комнатах свет. Пламя свечи сопровождает ее в блужданиях по сумрачным коридорам особняка. Она пишет странные мистические картины и хранит в сердце страшную тайну... Но однажды ее затворничество прерывает неожиданный телефонный звонок...

Содержание

От автора	4
Пролог	8
Глава 1	13
Глава 2	26
Глава 3	37
Глава 4	44
Глава 5	60
Глава 6	71
Глава 7	79
Глава 8	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Юлия Шилова

Ловушка для мужчин, или Умная, красивая, одинокая

Я думала не о несчастьях, а о той красоте, которая остается навеки. Ведь это так прекрасно, что можно не ждать ни секунды, когда решишь сделать мир лучше. Поистине чудесно, что я не утратила всех своих идеалов, ведь они казались такими нелепыми, такими невозможными. Все же я сохранила их, потому что вопреки всему я продолжала верить в то, что люди обладают по-настоящему добрыми сердцами. Я просто не могла строить свои надежды на беспорядке, несчастьях и смерти. Я видела, как мир постепенно превращается в пустыню. Я слышала, как повсюду гремит гром, как он все приближается и приближается, грозя уничтожить нас всех. Я чувствовала страдания миллионов людей и все же смотрела в небеса и думала, что все будет хорошо, что жестокости придет конец и что к нам вернется мир и спокойствие.

Анна Франк (1929–1945)

От автора

Дорогие мои друзья, я очень-очень рада встретиться с ва-

ми вновь! Мне так приятно, что вы держите в руках эту замечательную книгу!

В своих письмах довольно часто вы задаете мне один и тот же вопрос – как отличить мои новые книги от тех, которые были изданы несколько лет назад, ведь теперь у них другие названия. Это очень просто. На новых книгах написано: **НОВИНКА**. На книгах, вышедших несколько лет назад: **НОВАЯ ЖИЗНЬ ЛЮБИМОЙ КНИГИ**. Поэтому будьте просто внимательны.

Я бесконечно благодарна читателям, которые коллекционируют мои книги в разных обложках и имеют полное собрание моих книг. Для меня это большая честь и показатель того, что я нужна и любима. Переизданные книги заново отредактированы, а у меня появилась потрясающая возможность внести дополнения и новые размышления.

Теперь я отвечаю на ваши вопросы в конце книги, рассказываю, что творится в моей творческой жизни, да и просто делюсь тем, что у меня на душе. Для меня всегда важен мой диалог с читателем.

На этот раз я представляю на ваш суд свой уже ранее издававшийся роман «Дитя порока, или Я буду мстить», у которого теперь новое название «Ловушка для мужчин, или Умная, красивая, одинокая». Думаю, он обязательно понравится тем, кто будет читать его впервые, а если кто-то захотел перечитать роман заново, я уверена, ему будет безумно интересно пережить все события заново. Я сама перечитала

эту книгу совсем недавно и получила колоссальное удовольствие. Книга живая, интересная и динамичная. Искренне надеюсь, что она ни в коем случае вас не разочарует и придётся вам по душе.

Спасибо за ваше понимание, любовь к моему творчеству, за то, что все эти годы мы вместе. Я рада, что многие согласились – мои переиздания представляют ничуть не меньшую ценность, чем новинки, которые только что вышли из-под моего пера.

Спасибо, что вы помогли мне подарить этому роману новую жизнь. Если вы взяли в руки эту книгу, значит, вы поддерживайте меня во всех моих начинаниях. Мне сейчас, как никогда, необходима ваша поддержка...

Я бесконечно благодарна за вашу любовь, неоценимую поддержку, дружбу и за то, что наша с вами любовь так созвучна.

Заходите на мой сайт: WWW.SHILOVA-AST.RU

На этом сайте я с удовольствием общаюсь со своими поклонниками.

Не забывайте, что изменился адрес моего почтового ящика для ваших писем:

129085, Москва, абонентский ящик 30.

Пожалуйста, не пишите на старый. Он больше не существует.

До встречи в следующей книге. Я приложу все усилия для того, чтобы она состоялась как можно быстрее.

*Любящий вас автор,
Юлия Шилова.*

Пролог

Я всегда хотела изменить окружающий меня мир, но понимала, что один человек не в состоянии это сделать. Когда я была ребенком, мне почему-то казалось, что мир для меня слишком враждебен. Мне в нем неуютно. Я лучше себя чувствую в стенах родного дома, потому что именно он и был для меня целым миром, раздвинуть пределы которого мне было по-настоящему страшно. Этот мир научил меня ничего не бояться, рисковать, повиноваться инстинктам и даже мечтам. А ведь когда-то я жила в состоянии вечного страха и жуткой беспомощности. Я стала более сильной с того самого момента, как узнала, что на свете существует любовь. Именно любовь дала мне непонятную и пугающую свободу. Признаться честно, я совершенно не понимала, что же мне с ней делать. Любовь ведет нас к безумию. Я распрощалась со своим прошлым, полюбила дневной свет и начала жизнь с нового листа, хотя и не забывала о прошлом. Я полюбила жизнь и мечтала заново осмыслить прожитые годы, которые у меня отняли. Я попыталась поставить заслон между прошлым и будущим, и у меня это почти получилось. Почти...

Я до сих пор пытаюсь понять, как живут совершенно обыкновенные женщины. Ходят на работу, смотрят телевизор, моют посуду, у них одни и те же обязанности весь их земной срок. Я боюсь этой обыденности и стараюсь их не

иметь, или хотя бы разнообразить то, что мы называем повседневностью. Мне страшно думать, что после того, как вымою посуду, я должна готовиться ко сну. Я привыкла быть одинокой и независимой. Я наслаждаюсь этим.

По ночам я часто представляю своих настоящих родителей. Однажды мне приснилась мама. На ней были легкое лиловое платье и изящная лиловая шляпка. Мама протягивала ко мне руки и просила прощение за то, что так рано покинула меня в этой чертовски нелегкой и сложной жизни. Во сне я видела, как по ночной, пустынной дороге несется машина, в которой сидят мои родители, я и няня. Родители спешат домой, нервно поглядывают на часы и громко ругаются, стараясь что-то друг другу доказать. А я... Я вижу себя на руках у няни, которая пытается тщетно меня успокоить, но я громко плачу и отгалкиваю бутылочку с соком. Неожиданно мама дает отцу сильную пощечину, крикнув, что она больше не хочет с ним жить. Отец растерялся, машина потеряла управление и врезалась в дерево. Грохот, непонятные крики и тишина... Мама, папа и няня... Все мертвы. Страшный холод одиночества, их молчание и мой отчаянный плач в гробовом безмолвии...

Часто по ночам я просыпалась в холодном поту, мне снился человек, который меня удочерил. Я никогда его не любила и, живя с ним под одной крышей, чувствовала к нему стойкую и все возрастающую антипатию. Наверное, новый родитель был бы желанен для любого ребенка, потерявшего близ-

ких, но только не для меня. Это удочерение казалось мне большой ошибкой и жуткой несправедливостью. И все же судьбу не изменишь. Так сложились обстоятельства, а против них не пойдешь.

Я жила изгоем и не знала, что такое страсть. Я спрашивала об этом чувстве у своего сводного брата Роберта. Он объяснял, что настоящая любовь не бывает без страсти, эти два чувства едины и неразрывны. Он говорил, говорил, а я смотрела на него и видела, как он волнуется при этом, как бледнеют его щеки и становится прерывистым дыхание. Он был для меня противником, а кем была для него я?

– Роберт, что такое любовь? – поинтересовалась я.

– Любовь – это...

– Ну что «это»?

– Это слияние душ, – немного растерянно ответил он.

– А разве души могут сливаться?

– Конечно. И не только души. Бывает еще и слияние сердец.

Я смотрела на разволновавшегося Роберта и почувствовала какую-то необъяснимую потребность причинить ему боль. Я не могла отдать ему ни свое сердце, ни свою душу. Я вообще ничего не могла ему дать. И это несмотря на то, что он выглядел как герой романа: красивый, мужественный, загадочный. Герой романа, но не моего... Про таких парней говорят, что у них так много женщин, как вещей в ящике. И все же, когда он поднимал на меня глаза, в них появлялся

особенный блеск, совсем не такой, которым сияли его глаза, когда он смотрел на других женщин. Со мной он был полностью безоружен. Ему никогда не разгадать тайн моей души, потому что в ней слишком много темных провалов, которые зачастую непонятны и мне самой. И всякий раз, глядя ему в глаза, я думала, что БУДУ МСТИТЬ. Я отомщу за страшную жизнь, свои слезы, страхи, бессонные ночи, сознательное затворничество и за то, что мое сердце никогда не сможет открыться для истинных чувств и вряд ли кто-то сможет проложить к нему дорожку...

Роберт словно прочитал эти мысли, взял мою руку и поднес к своим горячим губам.

– Женья, я сделаю все возможное и позабочусь, чтобы больше никто и никогда не причинил тебе боль.

Я вздрогнула, почувствовав себя маленькой девочкой, в сердце которой еще живет добро, и нуждающейся в заботе, понимании и ласке.

– Все худшее позади, – сказал он более уверенно и стал целовать мои пальцы.

– Где ты был раньше, Роберт? Где ты был?

– Я всегда о тебе думал, потому что очень сильно тебя люблю.

– Ты любил меня все эти годы? – Я посмотрела на Роберта, глаза мои были полны слез.

– И продолжаю любить.

Мне стоило больших усилий сдержать слезы, улыбнуться.

Но ведь еще не время... Еще не настала пора сжигать мосты...

Глава 1

Я дала себе слово никогда не вспоминать ту кошмарную ночь, потому что это очень страшно. Так страшно, что от зловещих воспоминаний у меня начинается самая настоящая истерика...

Зазвонил телефон. Говорить ни с кем не хотелось. В конце концов, я не выдержала и сняла трубку.

– Слушаю, – сухо сказала я. Звонил мой сводный брат.

– Женя, здравствуй. Это Роберт. Прими мои соболезнования. Мне очень жаль...

– Спасибо, – вдохнула я.

– Извини, что не успел на похороны. Меня не отпустили с работы. Ты же знаешь, как я сильно загружен. Любой простой – катастрофическая потеря денег, – распинался брат, пытаясь оправдать свое долгое молчание. Я резко перебила его:

– Можешь не продолжать. Извиняю.

– Женя, ты сильно не нервничай. Я прекрасно понимаю, как много для тебя значил отец. Он тебя вырастил и любил как родную. Наверное, даже больше, чем меня... Ты держись. Не падай духом. Я завтра прилетаю. Ты сможешь встретить меня в аэропорту? Запиши номер рейса.

У меня задрожали руки, комната поплыла перед глазами, но я записала все, что продиктовал братец.

– Женя, и еще... Я буду не один.

– А с кем?

– Я прилечу со своей девушкой.

– У тебя появилась девушка?

– Да, я скоро женюсь! – восторженно сообщил брат и до-

бавил: – Как-никак тридцать лет. Пора остепениться.

– И когда же произойдет это событие?

– Через пару месяцев. Можешь меня поздравить. Вчера мы подали заявление. Шестнадцатого сентября состоится бракосочетание.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Я тебя поздравляю.

– Ну ладно. Все остальное мы обговорим при встрече.

Как только в трубке послышались короткие гудки, я швырнула ее на рычаг, налила в стакан виски, плюхнулась в огромное белоснежное кресло и закурила.

Интересно, о чем мой братец собрался говорить со мной при встрече?! Наверное, о моем огромном доме, который больше похож на замок или самый настоящий сказочный дворец, о проклятом завещании, которое оставил отец?! Через два месяца мой дорогой братик женится, а это значит, что появится еще один претендент на наследство. Два месяца... Два месяца на то, чтобы единственным претендентом на наследство отца осталась я... Я заслужила этот роскошный дом и умопомрачительную обстановку... Я выстрадала эту роскошь и имею на нее полное право.

Я пошла в каминный зал и тупо остановилась перед фо-

тографией отца, стоящей на каминной полке. Я взяла ее и внимательно всмотрелась в до боли знакомое лицо. В камине еще горел огонь. Сев на корточки, я разорвала фотографию на мелкие кусочки и бросила их в пламя. Обрывки вспыхнули и мгновенно превратились в черный пепел, я злорадно улыбнулась, зажгла свечу и с подсвечником в руках стала бродить по дому.

Наверное, обычный человек чокнулся бы, по – пав в мой дом с огромными, погруженными в темноту комнатами. Может быть, потому, что я сова, я боюсь света – в солнечные дни чувствую себя особенно уязвимой и незащищенной. То ли дело, когда темно! Я раба ночи, ее преданное дитя. На моих окнах рольставни. Я практически их не открываю. Ненавижу яркие люстры, бра, которые обожал мой отец и навешал их по несколько в каждой комнате. Я всегда передвигаюсь по дому с подсвечником и люблю запах оплывающей свечи. Раз в месяц отец уезжал в командировку, и тогда весь дом погружался в беспросветную темноту... Но он возвращался, открывались жалюзи, зажигался свет, включался телевизор, играла музыка... В те дни, когда он был дома, я становилась мрачной, чувствовала себя подавленной и глубоко несчастной. Он снова уезжал, я зажигала свечу и погружалась в свой собственный мир, понятный только мне одной...

Раздался телефонный звонок, от неожиданности я вздрогнула. Наверняка опять брат. Да какой он мне, к черту, брат! Так, человек, с которым прошло мое унылое, беспросветное

детство!

Я сняла трубку и затаила дыхание.

– Женечка, здравствуй. Это дядя Игорь тебя беспокоит.

– Здравствуйте, – буркнула я и напряглась как струна.

Звонил один из многочисленных знакомых отца. Я никогда не привечала его знакомых... Наверное, это оттого, что очень сильно не любила отца.

– Женечка, через час к тебе подъедет один из моих доверенных людей. Дело в том, что твой отец не успел передать очень важные для меня бумаги... Я заплатил твоему отцу приличные деньги, но так и не получил их...

– Но ведь он скоропостижно умер...

– В том-то и дело. В общем, к тебе придет мой человек. Ты ему отдашь папки. Ты же знаешь, я принял довольно активное участие в похоронах, внес посильный вклад...

– Но я не знаю, какие бумаги вам нужны. Я вообще ни разу не заходила в кабинет после смерти отца. Там, наверное, целые горы бумаг.

– Мне нужны бумаги по делу Чичерина. Это тоненькая серая папочка. У тебя еще целый час. Зайди в кабинет, поищи. Будь умницей и сделай то, о чем я тебя прошу. Если не сможешь найти сама, тебе поможет мой человек.

– Хорошо, – вздохнула я обреченно.

Взяв свечу в подсвечнике, я поднялась по старой дубовой лестнице на второй этаж. Пламя свечи причудливо высветило картину в тяжелой раме, висящую на стене. Это полот-

но создала я. Я изобразила отца. Вернее, что это отец, знала только я одна. Черное, причудливое, трехголовое чудовище со звериным оскалом и длинным торчащим penisом... В эту картину я вложила всю свою ненависть, которая накопилась во мне за многие годы. Я подарила картину отцу в день его рождения, сказав, что создала по велению души. Отец пришел в дикий восторг и повесил на центральной лестнице. Он так и не понял, что я изобразила его. Он думал, что это злобное существо – плод моего воображения, моей фантазии, моего безумия. После смерти отца я уничтожила все его фотографии. Сегодня – последнюю. Оставила только этот «портрет».

– Здравствуй, папа, – подмигнула я чудовищу и провела ладонью по холсту.

Чудовище, самое настоящее исчадие ада, смотрело на меня мертвыми глазами. Полюбовавшись на свой шедевр, я вошла в кабинет. Отец не любил, чтобы я отвлекала его от работы, и никогда не пускал меня дальше порога. Его кабинет, где он пропадал сутками, много курил, думал, делал важные звонки, и моя мастерская, заставленная мольбертами, банками с красками и множеством безумных картин, находилась рядом. В мастерской прошли мои детство и юность. Это был мой мир, понятный только мне. Дни напролет переносила я здесь на полотна свое безумие.

Я тихонько толкнула дверь кабинета. Она легко открылась. Старинный письменный стол был завален бумагами. Я принялась за дело. Перебрав гору папок, фотографий, ка-

ких-то записок, поняла, что документов о Чичерине нет...

Я подошла к шкафам. Боже мой, сколько барахла! Когда я стану полноправной хозяйкой, вытащу весь этот хлам на улицу и разожгу самый настоящий костер. Я буду плакать и смеяться, глядя, как превращается в золу этот ненужный хлам. Вот так. Столько лет жизни отец собирал все эти листочки, аккуратно подшивал их в папки, не разрешал к ним даже прикасаться. А я возьму и сожгу...

Даже не знаю, сколько времени я провозилась в кабинете. Прервал мои поиски звонок в ворота. Я распахнула дверь, сморщилась от дневного света и смахнула выступившие слезы. Проклятая светобоязнь... По дорожке я дошла до каменного забора, посмотрела в глазок в железной калитке и увидела молодого мужчину. Он был довольно симпатичный и производил впечатление преуспевающего человека. Почувствовав, что на него смотрят, незнакомец сообщил:

– Я от Игоря Николаевича. Мне нужно забрать папку с документами по делу Чичерина.

Открыв железную калитку, я через силу натянуто улыбнулась.

– Я просмотрела черт знает сколько папок, но нужной с фамилией Чичерин нигде нет.

– Предоставьте это мне. Я могу пройти в дом?

– Да, конечно.

Я закрыла калитку и последовала за ним по дорожке к дому. Потянув на себя входную дверь, молодой человек резко

застыл и остановил на мне ничего не понимающий взгляд:

– Там беспросветная темень...

– Не обращайтесь внимания. У меня есть свечи.

– У вас что, проблемы с электричеством?

– Нет. Просто я не люблю дневной свет. – Я легонько отстранила его и пошла к лестнице.

– Вы живете в полной темноте?

– Да. Я полная противоположность отцу. Он обожал дневной свет, а я его просто не выношу.

– А как же телевизор?

– Его можно смотреть в темноте...

– Вы довольно странная.

– Может быть.

– Вы работали на отца?

– Нет. Я художница. Я пишу картины при медленно догорающих свечах.

Поднявшись по лестнице, мужчина остановился у портрета отца, достал платок и смахнул выступивший на лбу пот.

– Это ваша работа?

– А как вы догадались?

– Такую картину мог нарисовать только человек с большим воображением.

– Оно у меня и в самом деле большое. Я этого не стыжусь.

– Как вы придумали это чудовище? Оно вам приснилось? – Мужчина заинтересованно посмотрел на меня.

– Зачем мне что-то придумывать? Этот зверь сопровож-

дал меня всю жизнь. Это портрет отца.

Глаза гостя округлились, он кашлянул.

– Вы считали своего отца чудовищем?

– Я его хорошо знала.

– Надо же, а мне он был симпатичен.

– Вы были знакомы с ним лично?

– Да. Он очень часто приезжал к Игорю Николаевичу.

– Я не хочу больше говорить о своем отце, – резко сказала я и стала подниматься дальше по лестнице.

В кабинете я показала на выключатель:

– Можете зажечь свет.

– Спасибо. А вы искали документы без света?

– В темноте я ориентируюсь намного лучше.

Мужчина зажег свет. Я прикрыла глаза ладонью и кивнула на соседнюю дверь.

– Если я вам понадобится, я в своей мастерской.

Дверь кабинета оставалась открытой, и у себя я умышленно неплотно закрыла дверь, оставила маленькую щелочку. Буквально через несколько секунд послышался голос гостя:

– Алё, Игорь Николаевич. Это Виктор. Я в доме адвоката. Сейчас буду искать. Я не знал, что у него умалишенная дочь. Скажите, а есть ли у него еще дети? Этой девушке место определено в дурдоме. Тут такие хоромы! Можно неплохо заработать. Старик нажил добра немерено. Ладно, поговорим при встрече.

Как только он умолк, я появилась на пороге. Увидев меня,

мужчина приветливо улыбнулся и потер ладони:

– Ну что, принимаюсь за поиски. Тут столько папок...

– У адвоката есть сын, – сказала я ровным голосом. – Он тоже является полноправным наследником этого дома. Так что ищите свою папку и убирайтесь вон.

Гость пришел в полнейшее замешательство. От яркого света огромной старинной люстры у меня выступили слезы. По всей вероятности, гость подумал, что такова моя реакция на услышанное. Он достал сигарету и нервно закурил:

– Извините. Я не хотел, чтобы вы плакали...

– Не стоит извинений. У меня просто светобоязнь, – резко перебила я незнакомца и вытащила платок.

Мужчина сел на стул и нервно забарабанил пальцами по столу. Неожиданно он сказал:

– Ты даже не представляешь, как красива. Первый раз я увидел девушку, которая поистине великолепна. Ни грамма косметики, ни грамма загара. Нереально белая атласная кожа... Огромные черные глаза и совершенно правильные, восхитительные линии тела... И при всем при этом ты сумасшедшая. Устроила в доме самый настоящий склеп и сидишь в зловещей темноте, как летучая мышь, создавая какие-то идиотские картины.

– Я нормальная, – сухо сказала я. – И картины мои замечательные.

– Если ты нормальная, то я приглашаю тебя вечером в ресторан поужинать.

– Я не люблю рестораны. Я была там всего пару раз с отцом. Мне они не нравятся.

Мужчина почесал затылок:

– Знаешь, мы догадывались, что адвокат прячет свою дочь потому, что она умалишенная...

– Я здорова, и ни от кого не прячусь, просто это мой стиль жизни, – ледяным тоном произнесла я. – Ищи побыстрее папку и уходи. Я не люблю, когда в моем доме находятся посторонние.

Мужчина согласно кивнул и подошел к огромному старинному дубовому шкафу. С трудом открыв тяжелую дверцу, он вскрикнул и отскочил в сторону. Из шкафа вывалился огромный кокон, обернутый плотной клеенкой и толстым скотчем. Я вцепилась в дверной косяк и почувствовала, что у меня перехватило дыхание.

– Господи, что это? Ужас какой...

– Понятия не имею.

– Твой отец здесь что-то спрятал.

Мужчина достал из кармана перочинный ножик и стал разрезать туго намотанный скотч. Вскоре он добрался до того, что находилось внутри. В лицо мне ударило тяжелое злобоние. В клеенке лежал труп мужчины, напоминающий мумию.

– Мертвец... – с ужасом прошептала я.

– Я в этом не сомневаюсь, – растерянно произнес гость. – По-моему, этот парень лежит здесь давно. Странно как-то...

Он не сгнил, а высох... Прямо настоящий гербарий. Ты его знаешь?

– Кого?

– Ну, этого человека... Он когда-нибудь бывал в вашем доме?

– Нет, я его первый раз вижу, – еле слышно прошелестела я.

– Твой отец был не так прост, как казался, – усмехнулся незнакомец и нервно закурил. – Я так понимаю, это его рук дело?

– Ну, понятно, что не моих.

– Ладно, это меня не касается. Я должен найти папку с фамилией Чичерин и умыть руки.

– Как это ты «умываешь руки»? – опешила я.

– А что, по-твоему, я должен делать?

– Ты этот кокон достал, ты его открыл, а теперь собираешься сваливать? Ты мертвеца обнаружил, ты его отсюда и уноси.

– Вообще-то я пришел сюда за папкой...

– Но тем не менее вместо папки ты умудрился найти труп. Послушай, будь человеком, помоги мне от него избавиться...

– А почему ты не хочешь вызвать милицию?

– Потому что труп уже все равно не оживет, а мне лишние проблемы ни к чему. Зачем лишние вопросы и полный дом любопытного народа? Я очень плохо переношу посторонних

людей.

– К твоему отцу приходило очень много на рода. Одного он порешил и спрятал в этот шкаф. Возможно, что и insult случился именно на этой почве.

– Это только твои догадки, – бросила я и брезгливо посмотрела на мумию. – Может, отец совершенно непричастен к этому. Но если не отец, то кто? Больше никому.

Мужчина тяжело вздохнул:

– Я этот ящик Пандоры распотрошил, я его и заклею. У тебя есть скотч?

– Скотч?

– Ты не знаешь, что такое скотч? – раздраженно спросил он, вытаскивая из кармана пачку сигарет.

– Я не такая идиотка, как ты думаешь. Я знаю, что такое скотч, и даже понимаю, для чего он тебе нужен. Ты хочешь замотать этот чертов узел и засунуть его в шкаф. Но ты подумал, как я буду жить в доме, зная, что в кабинете лежит труп?

– А почему я должен о тебе думать? – усмехнулся мужчина.

Меня охватил ужас. Покраснев от злости, я сжала кулаки.

– Если ты не поможешь мне избавиться от трупа, то не получишь никакой папки!

– Если я не получу эту папку сейчас, то Игорь Николаевич будет действовать по-другому.

– Как это «по-другому»?

– Ну, более настойчиво, что ли... Он платил твоему отцу баснословные деньги на протяжении многих лет...

– Каждую копейку, которую ему платили, мой отец отрабатывал по полной программе, забывая про отдых и болезни. Он никому и ничего не должен. – Почувствовав, что такая категоричность сейчас не к месту, я сменила тон: – Очень тебя прошу, помоги мне избавиться от трупа. Я заплачу.

– Хорошо, только деньги мне не нужны. Я помогу только при одном условии.

– Я слушаю.

– Мы избавляемся от трупа, и ты ужинаешь со мной в ресторане. Тебя это устраивает?

Я кивнула.

Глава 2

Спустя несколько минут мужчина вынес тук из кабинета и положил его рядом с входной дверью. Усевшись на пол, он смахнул пот и устало попросил:

– Послушай, включи свет, а то ведь можно умом тронуться. Как кроты, ей-богу...

– А свеча? Тебе что, ничего не видно? – удивилась я, но все же включила свет.

– Вот это другое дело. А то у меня создалось впечатление, что я попал в склеп. Темнота, свечи, трупы... Думаю, настало время познакомиться. Меня зовут Виктор.

– Женя. – Я натянуто улыбнулась и протянула Виктору руку.

– Принеси большую сумку или мешок, – сказал он, вставая. – Надо этого жмурика как следует упаковать, чтобы соседи ничего не заподозрили.

Я побежала в кладовку и схватила первый попавшийся мешок. Виктор засунул в него мертвеца, завязал веревку узлом.

– Собирайся. Поехали заметать следы преступления твоего отца.

– Я готова. Куда мы его денем?

– Давай скинем в реку. Подбросим рыбкам корм. Правда, не знаю, станут ли они есть такую сухую мумию.

– Но ведь ты еще не нашел папку!

– Это повод для того, чтобы вернуться в твой дом. Первым делом, чтобы не расшатывать твою нервную систему, мы избавимся от трупа. Затем обещанный ресторан, и я отвожу тебя обратно. После чего забираю папку и еду по своим делам.

– Даже не знаю, как тебя благодарить, – промямлила я.

– Ты отблагодаришь меня тем, что поужинаешь со мной. Надеюсь, в том ресторане, куда я тебя отвезу, тебе понравится.

– Ой, я совсем забыла про ресторан... Я быстро переоденусь.

Забежав в свою комнату, я открыла шкаф и окинула взглядом несколько рядов разнообразных нарядов.

Это сумасшедшее количество тряпок приобрел для меня мой покойный отец. Он привозил их из своих многочисленных заграничных командировок, постоянно пытаясь меня чем-нибудь удивить. Стоп! В данный момент мне меньше всего хочется думать об отце. Мало того что он изрядно испортил мне жизнь, так еще не хочет оставить меня в покое после своей смерти! Убил человека и даже не позаботился о том, чтобы вынести труп из дома...

Подыскав подходящее платье, я подошла к зеркалу. По моему, довольно неплохо. Мысль, что мне придется посетить ресторан, была крайне неприятна, но в моем доме больше не будет трупа, и это заставляло меня закрыть глаза на предстоящую неприятность.

Выйдя к Виктору, я поймала на себе его восхищенный взгляд, но не придавала этому особого значения. Мы положили мешок с мумией в багажник новенького «Форда» и отъехали от дома.

Всю дорогу Виктор нервно курил. Мои глаза успели привыкнуть к дневному свету и перестали слезиться. Подъехав к реке, мы вышли из машины и огляделись по сторонам.

– Нам нужна лодка, – сказал Виктор. – Труп лучше утопить, и как можно дальше от берега.

– Какая разница? Мы же не имеем к этому никакого отношения...

– В том-то и дело, что разница есть. Если бы мы сразу вызвали милицию, то в самом деле имели бы к происшествию минимальное отношение, но мы ввязались в это, черт бы тебя побрал! Я вообще первый раз в жизни избавляюсь от трупа человека, которого не убивал. Короче, стой на шухере и внимательно смотри по сторонам. Если мимо проедет машина или появятся люди, постарайся сделать вид, что просто любишь природу, дышишь свежим воздухом. После того склепа, который ты сама себе устроила, тебе и в самом деле не мешало бы хорошенько погулять на природе.

– А ты? – Я испуганно посмотрела на Виктора и подошла к нему как можно ближе.

– А я поищу какую-нибудь лодку. В общем, расслабься и жди моего возвращения.

Как только Виктор скрылся за деревьями, я облокотилась

на открытую дверцу машины и стала тупо смотреть на воду. Перед глазами в который раз возник отец. Господи, и как же его угораздило убить этого незнакомца! Я по – пыталась вспомнить последний день жизни отца перед инсультом. Утром он сказал, что ждет у себя в кабинете очень нужного человека. У него деловая встреча. Точно, он сказал именно так. Почти весь день я не выходила из своей мастерской. По всей вероятности, этот деловой господин и лежит сейчас в мешке... Вечером отец позвал меня ужинать. Он сильно нервничал, был бледен и много пил... А затем наступила ночь...

Меня слегка затрясло, потемнело в глазах...

Кто-то стукнул меня по плечу. Резко обернувшись, я облегченно вздохнула и моментально успокоилась: рядом со мной стоял Виктор.

– Я лодку нашел. Можешь не волноваться, тут вообще ни души. Сейчас мешок лодочнику отнесем, и дело сделано. Лодочник отплывет на приличное расстояние и уничтожит все следы преступления.

– Ты договорился с лодочником? – опешила я.

– Я пообещал ему нормальные бабки. Лодочник при понятиях. Не первый раз такие поручения выполняет. Я мог бы привести его сюда и заставить тащить мешок, но мне не хочется, чтобы он видел мою машину и запомнил номера. Осторожность никогда никому не мешала. Хочешь, постой здесь, а я отнесу мешок.

– Нет. Я с тобой. Жутко оставаться одной. Кажется, вот-вот из кустов кто-то набросится сзади.

– Ты хочешь сказать, что тебе страшно?

– Конечно. Я же живой человек.

– Когда я увидел твой склеп, который ты сама себе создала, я подумал, что чувство страха у тебя просто отсутствует.

– Ты зря так подумал. Это не склеп, это мой мир.

Виктор достал из багажника мешок, закинул его на плечо и зашагал по тропинке. Я быстро засеменила следом, всячески пытаюсь скрыть охватившую меня дрожь.

– Ну и папик у тебя... Тот еще жук. На мокрое дело пошел, а от трупа избавиться не мог. Только идиоты трупы в доме прячут, – возмущался Виктор, поглядывая в мою сторону.

У берега покачивалась довольно старая, но аккуратная лодка. Невесть откуда возник жутковатый мужик. Он расплылся в улыбке идохнул на меня густым перегаром.

– День добрый, – хитро подмигнул он мне и взял у Виктора мешок.

– Не такой уж он и добрый, – устало сказал Виктор и потер ладони. – Короче, смотри мне, сделай все по уму. Я проколов не люблю. Если тебя о чем-нибудь спросят, ты нас не видел и знать ничего не знаешь. Учти, я ведь и в самом деле могу сделать так, что ты больше ничего не будешь ни видеть, ни слышать.

– Не переживай, сделаю все в лучшем виде. Я по таким

делам мастак. Не ты первый, не ты последний ко мне с такой просьбой обращаешься. У меня уже рука набита. Каждую неделю приносят.

Виктор ухмыльнулся и сквозь зубы процедил:

– И еще. Хочу, чтобы ты понял одну вещь. Я к тебе ни с какой просьбой не обращался, я тебе заплатил. Улавливаешь разницу? Я вообще просить не умею. Я или плачу, или получаю желаемое с позиции силы.

Виктор сунул мужику деньги, взял меня за руку и, одарив лодочника суровым взглядом, отправился к машине. Как только мы отошли на приличное расстояние, с трудом переведя дыхание, я спросила:

– Послушай, а если этот алкаш обратится в милицию?

– Зачем это ему надо? Это его заработок. Многие лодочники промышляют таким образом.

Я остановилась.

– Сколько я тебе должна?

– Не понял.

– Сколько денег я тебе должна за оказанную услугу? Что тут непонятного?

– Ты должна мне поход в ресторан.

– И все?

– Пока все. А что, ты хочешь подарить мне еще и ночь любви?

Я поджала губы.

– Мы так не договаривались. Я лучше тебе денег дам.

– У меня с деньгами проблем нет.

– А с чем же у тебя проблемы? С женщинами, что ли? –
связвила я.

– С женщинами у меня тоже полный порядок, не сомневайся.

Мы сели в машину, Виктор положил руку мне на плечо и примирительно сказал:

– Извини. Я не хотел тебя обидеть. Это была глупая и неуместная шутка. Ты обещала мне ресторан. Так что, едем?

– Поехали... – кивнула я и убрала его руку со своего плеча.

Машина остановилась у ресторана. Перед тем как выйти, я взглянула на свое отражение в зеркальце заднего вида и вздохнула.

– Можешь не переживать. Выглядишь ты просто превосходно.

– Ты так думаешь?

– Это первая мысль, которая пришла мне в голову, как только я тебя увидел.

Через несколько минут мы уже сидели за столиком в шикарном зале, отделанном под старину. Я подумала, что здесь не так уж и плохо. Приличная публика, официанты в белоснежных перчатках и красных камзолах... Отец водил меня в такие же дорогие рестораны, но тогда я чувствовала себя как-то неуютно. Возможно, оттого, что тогда я была с ним, а сейчас с приятным молодым мужчиной.

Я сделала несколько глотков ледяного шампанского. Хотелось хоть немного расслабиться, отвлечься от дурных мыслей, но нелепая история, разыгравшаяся несколько часов назад в кабинете отца, никак не выходила из головы. Мой отец – убийца! Это просто не укладывалось в голове. Привести в наш дом человека, жестоко его убить и спрятать труп в собственном шкафу... Прямо фильм ужасов какой-то! Хотя от моего отца можно было ожидать чего угодно. Такой милый, приветливый и добренький старикашка, покоряющий всех феноменальным умом и страстью к большим деньгам. А в душе у этого «простака» ворочался жуткий и страшный червь, который грыз ему сердце.

– Женя, а ты вообще умеешь расслабляться? – донесся до меня обиженный голос Виктора.

Я растерянно пожала плечами:

– Наверное, вся моя беда в том, что я действительно расслабляться не умею. Иногда это получается в моей мастерской, когда, выпив бокал красного вина, работаю над очередной картиной.

– Так можно чокнуться...

– Именно такой ты меня и считаешь.

– Извини.

– Возможно, я очень мало бываю на людях. Вернее, почти совсем не бываю.

– У тебя есть друзья, подруги?

– Нет.

– А почему?

– Не чувствую в этом потребности. Я очень замкнутый человек. У меня есть сводный брат, но он живет в другом городе. Завтра он прилетает со своей будущей женой.

– Он переезжает к тебе насовсем?

От этого вопроса меня слегка затрясло, и снова все поплыло перед глазами. Этого вопроса я боюсь больше всего на свете. Каждую ночь я задаю себе именно этот вопрос и нахожу только один ответ: я никогда не смогу жить в одном доме вместе со своим братом.

– Нет. Я думаю, он здесь долго не задержится.

Допив бокал, я почувствовала приятный дурман и легкость во всем теле. Вероятно, оттого, что в последнее время ужасно выматываюсь. Я слишком много пью, рисую, не сплю ночами и постоянно терзаюсь мыслями...

Виктор вновь наполнил бокалы, произнес какой-то дежурный, заезженный тост и посмотрел мне в глаза. Я немного смутилась и улыбнулась.

– Все в жизни взаимосвязано. Тебе нужна папка, если бы она тебе не понадобилась, я бы не узнала сегодня, что в кабинете отца лежит труп. Представляешь, если бы я решила разобрать хлам и открыла этот злосчастный шкаф сама? Я бы просто сошла с ума...

– Не думаю. Мне кажется, что ты уже чуть подвинулась именно тогда, когда заживо похоронила себя в своем шикарном склепе. Почему у тебя нет друзей? Почему ты никуда не

ходишь? Ты всегда вела уединенный образ жизни или стала такой только после смерти отца?

– Я не хочу обсуждать эту тему, – холодно прервала я Виктора.

– Ну? А у тебя есть мужчина? – не унимался он, хитро прищурившись.

– Нет, и не будет.

– Ты мужененавистница?

– У меня свое представление о мужчинах, и оно, к сожалению, не самое радужное.

– Тебя кто-то очень сильно обидел?

– Может быть... – печально улыбнулась я.

Вскоре мы вышли из ресторана и обнаружили, что у машины спущено колесо. Виктор присел на корточки.

– Прямо невезуха какая-то. Если бы ты только знала, как мне не хочется возиться с запаской...

– Может, вызвать техпомощь?

– Зачем? Это же всего-навсего колесо.

– Не знаю. Мой отец всегда вызывал техпомощь.

– Вся разница в том, что твой отец никогда не считал деньги, а денежки счет любят.

– Я могу оплатить услугу.

– Почему ты мне постоянно говоришь о деньгах? Я не бедный человек, просто умею их считать. Только и всего. Ты этими деньгами мне все уши прожужжала. У тебя их что, так много?

– Нет. Просто я чувствую себя обязанной...

Не успела я договорить последнюю фразу, как рядом с автомобилем Виктора остановился джип. Из него выскочили трое в больших черных очках. В считанные секунды они скрутили Виктору руки, засунули в рот кляп и кинули моего спутника на заднее сиденье джипа.

– Телку тоже возьмем? – услышала я.

– На хрен она нужна.

Я не могла произнести ни звука. Один из бандитов взял меня за подбородок и сквозь зубы процедил:

– Крошка, ты хочешь поехать с нами?

– Нет, – замотала я головой, почти теряя сознание.

– Тогда забудь, что ты видела. Иначе я сделаю так, что у тебя отшибет память. Навсегда. Усекла?

– Да, – кивнула я.

Джип резко развернулся и мгновенно исчез. От страха я смогла запомнить только две цифры его номера – 3 и 2. Я стояла у брошенной машины со спущенным колесом и не представляла, что мне делать.

Глава 3

Несколько минут потребовалось для того, чтобы взять себя в руки. Сжав кулаки, я решительно направилась к ресторану: нужно по звонить Игорю Николаевичу, рассказать о том, что произошло. Но вдруг я поняла, что не знаю номера его телефона. Придется вернуться домой и порыться в блокнотах отца. Возможно, он где-то записан. Я вызвала техпомощь.

Ожидая мастера, я медленно ходила около «Форда», пытаюсь унять противную дрожь в коленях. Произошедшее не укладывалось в голове: трое бандитов похищают человека среди бела дня в самом центре города, и никто на это даже не обратил внимания... Прямо как в гангстерском фильме...

Рассчитавшись с мастером за колесо, я поехала домой. Когда увидела реку, поняла, что нужно остановиться: мне представилась страшная мумия, которая сейчас плывет, вернее, лежит на дне реки. На глаза навернулись слезы. Заглянув в бардачок, я увидела пачку сигарет и закурила. Это бывает крайне редко, только в тех случаях, когда я нервничаю. Сегодняшний денек выбил меня из размеренной жизни. Знакомство с Виктором, труп в кабинете отца, а затем похищение Виктора прямо у меня на глазах. Возможно, Игорь Николаевич уже в курсе этого похищения и предпринимает соответствующие меры. Для чего похищают человека? Конечно,

но же для того, чтобы потребовать выкуп. Если бы Виктора хотели убить, убили бы сразу. Если Игорь Николаевич начальник Виктора, то звонить и требовать выкуп будут именно с него. Да какой он, к черту, начальник! Обыкновенный бандюга, только повыше рангом.

Мой отец был известным адвокатом, не проигравшим ни одного процесса. Его клиентура состояла из отъявленных бандитов и закоренелых отморожков. Они платили ему баснословные деньги, которыми мой папаша никогда не брезговал, а он с удовольствием вытаскивал каждого из любого дерьма. Его так и называли «криминальный адвокат». Помимо адвокатской деятельности, отец с удовольствием подрабатывал частным сыщиком: разоблачал неверных жен и мужей, собирал компромат на различных людей, занимался съемкой скрытой камерой и всем, что приходится делать детективу. Игорь Николаевич был большим другом моего отца и довольно часто пользовался его услугами. Виктора могут убить только в том случае, если Игорь Николаевич пожадничает и откажется платить похитителям.

Выкинув сигарету, я промокнула глаза платочком и устыдилась своих мыслей. А почему я, собственно, должна переживать за какого-то Виктора?! В конце концов, кто он мне? Никто. Так, посторонний человек, случайно вошедший в мой дом... Тем более что я прекрасно запомнила разговор, который услышала в кабинете отца. Виктор назвал меня умалишенной и поинтересовался, есть ли у адвоката еще наслед-

ники на дорогой, безумно красивый, нафаршированный всякой всячиной дома? Если честно, то у меня нет ни малейшего желания разыскивать Игоря Николаевича и докладывать ему историю, в которую попал Виктор. И все же... Виктор помог мне избавиться от жуткого труп...

Я открыла бардачок и сразу наткнулась на пачку презервативов. Повертев упаковку, я увидела еще три точно такие же разноцветные коробочки и ухмыльнулась. Господи, да куда же ему столько! Прямо настоящий половой гигант. Сразу видно, охотник до женщин, любитель потрахаться. Кинув презервативы обратно, я запустила руку поглубже и извлекла из бардачка тоненькие женские трусики. По всей вероятности, их кто-то просто забыл надеть. Сморщившись, я кинула трусы на место. С виду порядочный мужик, а на самом деле... И угораздило же меня пойти с ним в ресторан!

Я вышла из машины. Подняв голову, облегченно вздохнула. Наступило мое самое любимое время суток, которое зовется ночью.

Увидев тропинку, я узнала место, где мы останавливались с Виктором, и решила пойти посмотреть на место преступления. Спустившись к реке, я спряталась за огромным деревом. Из-за него хорошо была видна та самая лодка, на которой еще несколько часов назад лодочник погрузил мумию. Лодка одиноко покачивалась на воде, привязанная к берегу ржавой цепью. Оно и понятно. Лодочник получил желаемые деньги, сделал свое дело и удалился пьянствовать. Я

уже хотела было вернуться к машине, как неожиданно слышался шорох колес. Рядом со мной остановился серебристый «Опель». Я почувствовала, как снова ослабели мои колени, затаила дыхание и постаралась взять себя в руки. Это ж надо было так нарваться! Угораздило меня сюда припереться! Я бесшумно отодвинулась в темноту. По всей вероятности, люди на серебристом «Опеле» явились сюда за тем же, за чем приезжали и мы. Сейчас выйдет мужчина, достанет из багажника криминальный мешок и начнет искать лодочника. Лодочник был прав: его частное предпринимательство пользуется необычайной популярностью! Как я и предполагала, из «Опеля» вылез тучный мужчина и огляделся по сторонам. Я мысленно ему посочувствовала. Он нажал на сигнал, и, словно по команде, рядом с лодкой возник лодочник. К моему глубокому сожалению, их разговор не был слышен, но я догадывалась, о чем они говорят. Лодочник подошел к лодке, откинул брезент и достал из нее мешок, сноровисто его развязал и извлек нашу с Виктором находку. Я пришла в ужас. Почувствовав, что покрылась холодным потом, я на коленях подползла поближе, чтобы слышать, о чем они говорят. Благо меня скрывала темнота и высокая трава. Я напяргла слух.

– Щас я подсвечу, а то ни хрена не видно, – сказал мужчина и включил фары серебристого «Опеля». – Так кто тебе этого жмурика привез?

– Я же тебе говорю, – произнес, по-пьяному растягивая

слова, лодочник. – Мужик с бабой. Его рожу я хорошо запомнил, да и бабу... такая красивая... Ее грех не запомнить. У нее даже отличительная черта есть, сразу бросается в глаза.

– Какая?

– Я таких белых баб еще никогда не видел.

– А какая же она должна, по-твоему, быть, черная, что ли? – усмехнулся мужчина и закурил.

– Вернее, она такая белокожая, словно на воздухе вообще не бывает и никогда не загорала.

– Тоже мне отличительная черта... Водку жрать меньше надо, тогда будешь хорошо людей запоминать. Белая... Таких белых полгорода ходит. Сегодня она бледная, а завтра станет румяная, как матрешка. Хрен моржовый!

– Да не кипятись ты, Леонидыч. Сам подумай, лето в самом разгаре, а баба белокожая, словно смерть. Я тебе зуб даю, что она никогда в жизни не загорала, морда и руки у нее словно снег. Одета прилично. Видно, что при деньгах. Может, она болеет чем? Короче, они мне мешок оставили, денег дали и ушли. А я не дурак, я следом за ними пошел, да так аккуратно, чтобы никто не заметил. Я, Леонидыч, твои инструкции строго соблюдаю. Я видел, на какой они машине уехали.

– Что, и номер запомнил?

– Запомнил, а почему бы мне его не запомнить?

– Вот это другое дело. Это по-нашему, а то пошел мне

телёжить про какую-то бледность.

– Темно-синий «Форд», а номер – три восьмерки.

– Номер блатной.

– Не знаю, блатной не блатной, а запоминается легко. По номеру ты всегда хозяина можешь вычислить, если, конечно, мужик не по доверенности ездит.

– Что я дальше буду делать, тебя не касается. Ты, главное, свою работу выполняй, а в мою не лезь.

– А я свою работу хорошо выполнил. Я номер запомнил и марку машины. Куда уж лучше-то! Видишь, Леонидыч, как мне твой сотовый телефон пригодился. Как только они отъехали, я сразу тебе позвонил. Только ты так долго ехал...

– Я на другом конце города был, кое-какие дела решал. Да и ехать сюда черт знает сколько времени. Я же не на вертолете летаю! Дай мне телефон, посмотрю, сколько там осталось.

Лодочник достал из кармана сотовый телефон и протянул мужчине.

– Я же тебе говорил, кроме меня, никому не звони, а ты болтаешь хрен знает с кем. Я положу еще пятьдесят баксов, смотри, экономь.

– Леонидыч, я всегда экономлю. Ты не переживай. Я знаешь, что подумал... Труп какой-то странный. Сразу видно, что ему уже не одна неделя. И вот что меня насторожило: он не сгнил, а высох. На мумию похож. Словно его чем-то облили, чтобы он засох. Заметь, он даже не воняет.

– Воняет. Просто ты свой нюх на водку променял. Ты вот

что... В воду его не скидывай. Замотай скотчем и спрячь где-нибудь рядом со своей сторожкой. Он нам может понадобиться.

– Само собой.

Лодочник достал папиросу. Неожиданно мне в нос попала травинка. Защекотала с такой бешеной силой, что я просто не могла сдержаться и чихнула. Поняв, что прятаться бессмысленно, я вскочила и побежала к машине.

– Леонидыч, это и есть та девка! – закричал лодочник.

Глава 4

Все дальнейшее пронеслось в моей голове, словно ветер, и я с трудом вспоминаю свои действия. Включая зажигание, я с ужасом увидела, что преследователи уже подбегают к «Форду». Я нажала на газ и поехала прямо на них. Они мгновенно отскочили в разные стороны. Хозяин машины выхватил пистолет, правда, никакого выстрела не последовало.

Через несколько минут я уже неслась по шоссе и до упора давила на газ, не забывая постоянно оглядываться. Погони не было. Петляя с одного шоссе на другое, я успокоилась и поняла, что меня никто не преследует. Теперь предстояло решить, что делать с этим засвеченным «Фордом». Первое, что пришло в голову, – бросить его к чертовой матери, поймать попутку и вернуться домой. В конце концов, Виктор оставил его у ресторана, и я не обязана спасать его от автомобильных воров. Может, я вообще машину водить не умею! Может, я прямо от ресторана уехала домой на такси. Но все же как-никак, а я его должница, значит, просто обязана спасти эту гребаную машину. Он помог мне избавиться от трупа... Правда, так, как он по – мог... Лучше бы не помогал... Какого черта он обратился к этому лодочнику?! Ладно, поставлю «Форд» в своем подземном гараже, а там будет видно. По крайней мере, я к этому «Форду» никакого отношения не имею, поэтому через машину на меня никак

не выйдешь. А если через нее попытаться отыскать Виктора, то его сейчас днем с огнем не найдешь.

Я поставила «Форд» в подземный гараж рядом с отцовской машиной. В том, что тут его никто не найдет, я не сомневалась.

Как обычно, с подсвечником в руке я вошла в кабинет. Одного взгляда на дубовый стол было достаточно, чтобы убедиться – номер телефона Игоря Николаевича найти в этой свалке практически невозможно. Но в следующую минуту Игорь Николаевич позвонил сам, будто услышал мои мысли.

– Женя, куда подевался Виктор? Никак не мог тебе позволить...

– Меня не было дома.

– Странно. Обычно ты редко выходишь из дому. Ты же домашняя девушка.

– А если я иногда все же выхожу на улицу, это значит, что я уличная? Виктор пригласил меня в ресторан.

– В ресторан?

– Да. Что тут удивительного? Меня что, нельзя пригласить в ресторан?

– Можно, конечно. Просто он меня не поставил в известность. Он нашел папку?

– Нет. Он хотел поискать ее после ресторана, но его похитили.

– Кого?

– Виктора. Мы вышли из ресторана и увидели, что у ма-

шины спущено колесо. В этот момент подъехал джип. Трое мужчин скрутили Виктору руки, бросили его в машину и увезли.

– Ты запомнила их?

– На них были черные костюмы и черные очки. Все стриженные и плотные. Там особо нечего запоминать. Сегодня ночью я попробую найти вашу папку.

– Я буду тебе очень признателен. Позвоню позже.

– Игорь Николаевич, а что будет с Виктором?

– Как – что? Буду его искать.

– Удачи вам, – спокойно сказала я и положила трубку.

После долгих поисков я убедилась, что никакой папки с фамилией Чичерин в отцовском кабинете нет...

Немного побродив по дому, я легла спать, но сон никак не шел. Завтра будет новое испытание. Мне придется встретить своего сводного брата, еще одного законного и полноправного наследника...

Проснулась я поздно. Взглянув на часы, вскочила с кровати. Надо успеть выпить хотя бы чашечку кофе перед тем, как ехать в аэропорт. Буквально на ходу сделала несколько глотков и побежала одеваться. Времени на размышления не оставалось. Схватив ярко-лиловый костюм, который отец привез из Франции, приложила его к себе и удовлетворенно кивнула. Суперкороткая юбка и длинный пиджак – в этом что-то есть. Одевшись, я грустно посмотрела на свое бледное лицо. Черт побери, и почему я так ненавижу солнце... Слегка под-

красившись, я вновь оглядела себя придирчивым взглядом и улыбнулась. Ведь это не просто встреча... Это встреча с моим братом... После стольких лет...

Отец отправил его учиться в Англию, когда брату было одиннадцать лет. Роберт с отличием закончил колледж, поступил в академию, а затем приехал в Питер и плотно там обосновался. После нескольких телефонных звонков я поняла, что дела у него пошли в гору. Собственная просторная квартира, собственный доходный бизнес и собственная жизнь... У него было все, чего не было у меня. Свобода, самостоятельность и блестящие перспективы. На все мои просьбы поехать в Англию отец отвечал отказом. Как только я закончила начальную школу, он нанял мне преподавателей и устроил обучение на дому. Наш дом оказался самой настоящей тюрьмой, и я завидовала своим сверстникам, которые сидели за школьными партами, бегали на переменах и хватили девчонок за косички. Потом я привыкла. Человек так устроен, что привыкает буквально ко всему, даже к тому, к чему, кажется, нельзя привыкнуть. Я поняла, что я не такая, как все. Я закрылась в мастерской. Шли годы, а я все сидела среди красок и холстов и писала, писала картины. Я отвыкла от людей. Я стала бояться и просто-напросто избегать их. У меня появилась своя жизнь, свой внутренний мир... А затем я стала бояться не только людей, я стала бояться света. Я любила темноту и приобрела привычку прятать глаза от солнца.

Я постаралась взять себя в руки, сдержать не вовремя выступившие слезы. Проходя мимо «портрета» отца, остановилась и помахала ему рукой:

– Здравствуй, папа. Твой любимый сынок приезжает. Твой наследник. Твой любимчик. Ты решил, что он будет твоим единственным наследником, и даже не упомянул меня в завещании, но ты недооценил свою доченьку. Я никогда и никому не отдам то, что по праву принадлежит только мне. Я не умею делиться, папа. Это твоя черта. Этому научил меня ты. Ты закрыл меня от внешнего мира и спрятал от посторонних глаз. Ты не хотел делить меня ни с кем. Люди говорят, что я сумасшедшая. Это ты сделал меня такой. После стольких лет страшной, жестокой жизни, которые ты мне подарил, ты даже не упомянул обо мне в завещании! Будь ты проклят! Ты уже и так проклят! Скоро ты увидишь, как я затвердила твои уроки. Это будет скоро, потому что приезжает твой сын...

Задув свечи, я вышла из дома. В аэропорту купила небольшой букетик цветов. «Это для второй претендентки», – ухмыльнулась я.

Я ненавидела избранницу Роберта, даже ни разу не видя ее. Я точно знала одно: раньше мне предстояло сражаться с одним Робертом, а теперь вместо одного заклятого врага у меня появился второй.

Объявили посадку самолета, и вскоре в зале прилета появился Роберт. Такой же красивый, как и раньше. Он был в

дорогом элегантном костюме с ярким галстуком. Рядом чинно-благородно вышагивала симпатичная молоденькая девушка, разодетая словно разноцветный попугай.

– Женька, привет! – издалека крикнул Роберт и помахал мне рукой.

Я приветливо улыбнулась и наигранно бросилась к братцу на шею. Поцеловав в губы, я прикусила мочку его уха так, чтобы он почувствовал мурашки на теле. Я проделывала такие номера в детстве, и Роберту это очень нравилось. Брат слегка растерялся, но быстро пришел в себя и спокойно сказал:

– Женька, знакомься. Это Светлана. Моя вторая половина.

– Как, уже?

– Ну, скоро будет, – пожал плечами Роберт и чмокнул меня в щеку.

– Вот когда будет, тогда и назовешь ее второй половиной. А сейчас она всего-навсего невеста, – отчеканила я и протянула новоиспеченной невесте букет.

Светлана взяла цветы. На ее лице явно читалась попытка скрыть недовольство от моих слов. По дороге к машине мы болтали о всякой ерунде. Я положила руку Роберта себе на плечо и умышленно не давала Светлане вставить в наш разговор ни единого слова. В машине Роберт снял галстук и расстегнул верхние пуговицы рубашки.

– Ну и жарыща у вас тут. Давно так палит?

– Наверное. Я не часто бываю на улице. Ты же знаешь, все время пропадаю в мастерской. У меня много работы. Только закончу одну картину, а в голове уже возникла другая. И так без остановки.

– А ты не думаешь устроить выставку?

– Пока нет. Не испытываю такой потребности. Главное – моральное удовлетворение.

– Морального удовлетворения не бывает без материального. Тебе нужно выставляться. Люди будут покупать твои картины, ты сможешь получать за них деньги. Ты прославишься. Мы еще поговорим об этом.

– Женя художница? – как-то слишком любезно поинтересовалась Светлана и приветливо взглянула на меня.

– Художница. Только упорно не хочет показывать свои работы. Я поставлю на этом добровольном затворничестве жирную точку.

Когда мы въехали в наш коттеджный поселок, Светлана открыла рот и с восторгом рассматривала навороченные, дорогие дома.

– Боже мой, живут же люди! – вслух удивлялась она.

– Да, здорово. Тут живет продвинутые, обеспеченные люди с толстыми бумажниками, – засмеялся Роберт. – Скоро приедем.

– Твой отец был богат? Почему ты никогда мне о нем не рассказывал?

– Потому что я почти с ним не жил. Еще ребенком он от-

правил меня в Англию, а потом предоставил полную самостоятельность.

Мне захотелось сказать Светлане какую-нибудь гадость, но я все же смогла себя сдержать и промолчала.

– Добро пожаловать домой, братишка, – наигранно улыбнулась я, как только мы въехали в ворота.

– Спасибо, – чуть было не прослезился брат и обнял меня.

Я искоса следила за реакцией его невесты. Светлана смотрела на дом такими восторженными, сумасшедшими глазами, что я даже ненароком подумала, не потеряла ли она рассудок. Девушка нервно курила, сбрасывая пепел прямо себе на туфли, щеки ее пылали – в общем, казалась тяжелобольной...

Чуть наклонившись к Роберту, я спросила его:

– Ты уверен, что с твоей будущей половиной все в порядке?

Роберт бросил на свою спутницу любящий взгляд.

– Я уже и сам отвык от всего этого, – кивнул он на дом и весело мне подмигнул.

– Ничего, привыкнешь, – задумчиво сказала я и закрыла ворота. – К хорошему привыкаешь быстро. Вот к плохому трудно привыкать. – Отомкнув замок, я гостеприимным жестом пригласила брата: – Проходи и вспоминай.

Роберт сделал несколько шагов, остановился и спросил:

– Женька, где здесь свет включается? Темнотища, с ума сойти!

– Ах, свет...

Я прошла вперед и щелкнула выключателем. Гостиная озарилась ярким светом, люстры заиграли множеством разноцветных огоньков.

– Просто я никогда не включаю свет, – сказала я и с грустью посмотрела на стоящий на столике подсвечник.

– Ты что, сестренка?! Как можно жить без света? Такая девица-красавица, а сидит в темнице! – засмеялся Роберт и поставил сумку на пол.

Не долго думая, он подошел к окнам, открыл рольставни. В гостиной стало так светло, что необходимость в искусственном освещении отпала. Я нервно прикусила губу, но не подала виду, что меня сильно задел этот хозяйский жест.

Роберт стал подниматься по лестнице, и я не выдержала, крикнула ему вслед:

– В мою мастерскую не ходи!

– Хорошо! – откликнулся брат.

– Вы что, рисуете свои картины в темноте? – ехидно поинтересовалась Светлана и надменно посмотрела на меня.

– Рисуют дети в школе, а я пишу, причем довольно профессионально.

Роберт остановился напротив «портрета» отца и недоуменно посмотрел на меня.

– Женька, а это кто? Демон, что ли?

– Демон, – совершенно спокойно ответила я и в знак подтверждения кивнула.

– Ну и чучело! От таких картин, да еще в темноте, может крыша поехать. Я смотрю, тебя одолевают какие-то ненормальные фантазии. Хотя, знаешь, в этом чудовище что-то есть...

– Что именно? – оживилась я. – Это чудовище тебе кого-то напоминает? Скажи, на кого оно похоже?

– Не знаю, – Роберт пожал плечами.

– Это отец, – спокойно сказала я.

– Отец?!

В голосе брата прозвучало неподдельное удивление. Он еще раз посмотрел на картину и остановил свой взгляд на мощном, темно-красном фаллосе.

– Это его член, – так же спокойно ответила я на его немой вопрос.

Роберт попытался перевести разговор на другую тему.

– Женька, тут почти ничего не изменилось!

– Он бегом спустился по лестнице.

– Как знать... – тяжело вздохнула я.

Буквально через несколько минут мой братец взял инициативу в свои руки: отнес вещи в спальню для гостей, переоделся в объемные шорты, обосновался на кухне и принялся готовить праздничный обед. Светлана облачилась в домашний халатик и с удовольствием помогала ему. Посмотрев на эту идиллию, я почувствовала себя лишней и удалилась в мастерскую.

По понятным причинам работа не шла. Все закончилось

тем, что я разбросала кисти, пролила пару банок с краской и, не выдержав, ушла в свою комнату. Мой братец решил идти напролом, сразу показал, кто истинный хозяин в доме. Уже успел побывать в моей спальне и распахнуть окна. На постели лежала небольшая розовая коробка, перевязанная красной ленточкой. Развязав ленточку, я открыла крышку и извлекла ярко-красное шифоновое платье. Платье оказалось впору и подчеркивало все достоинства моей фигуры. Чересчур смелое декольте, обнаженная спина – вырез до самых ягодиц... Вполне в стиле моего брата. Когда мы были детьми, он наряжал меня в различные куски тканей, косынки и прочую ерунду. При этом я всегда была госпожой, принцессой, а Роберт – моим верным кавалером. Однажды отец застал нас за этим занятием, ему это не понравилось. В тот момент Роберт закутал меня в какую-то длинную косынку и по-детски поцеловал в шею. Отец неммыслимо озверел, оттолкнул Роберта, вlepил ему хороший подзатыльник и посмотрел на меня с ненавистью.

– Такая маленькая, а уже шлюха, – произнес он злобно и закрыл меня в комнате.

Вскоре отец отправил Роберта на учебу в Англию, и с тех пор я никогда больше его не видела. Никогда, до сегодняшнего дня...

Встав у зеркала, я грустно посмотрела на свое отражение. Потом достала тональный крем: мне хотелось закрасить свою неестественную белизну. Наложив крем, я сама себе

показала язык. Вот так-то лучше. Когда разгребу навалившиеся на меня заботы, обязательно схожу в солярий. Только бы разобраться с наследством...

В этот момент открылась дверь, и на пороге моей спальни нарисовался Роберт. Он окинул меня взглядом и покачал головой:

– Да ты просто сокровище! Если бы я не был твоим братом, обязательно начал бы за тобой ухлестывать. Я тщательно выбирал для тебя платье. Объездил кучу магазинов. Мне хотелось видеть тебя такой, какой я вижу сейчас.

Я пристально посмотрела на него и сквозь слезы сказала:

– Спасибо. Мне никогда никто не дарил подарков. Кроме отца...

– У тебя что, нет молодого человека?

– Нет.

– Но почему?

– Давай я не буду отвечать на этот вопрос.

– Хорошо, если не хочешь, не отвечай, но кавалера я тебе обязательно найду. В этом можешь не сомневаться. – Роберт поспешил перевести разговор на другое: – Женька, пошли к столу. Мы со Светкой решили устроить пир и наготовили всякой вкуснятины. Как-никак не виделись с тобой черт знает сколько лет! Даже не помню сколько, но знаю, что очень много. Когда я уезжал, ты была совсем ребенком. Такая озорная, красивая девчонка с огромными глазищами...

Я постаралась сдержать выступившие слезы, подошла к

брату и тихо сказала:

– Что ж, пойдём, а то твоя половина заждалась.

Роберт взял меня за руку:

– Женя, если у тебя есть молодой человек, пригласи его на обед. Вчетвером нам будет намного веселее. Мне бы хотелось, чтобы ты не чувствовала себя одинокой.

– У меня нет молодого человека, – резко ответила я и провела рукой по волосам Роберта. – Одиночество – мой образ жизни. Я привыкла так жить и совсем не хочу менять свои привычки. Я скромно умолчу про твою вторую половину, но скажу, что мне вполне хватает твоего общества.

Роберт шел позади меня, и я затылком чувствовала его тяжелое, прерывистое дыхание.

Светлана в нарядном платье сидела за столом. Когда мы вошли, она бросила на меня придирчивый взгляд. Роберт отодвинул стул, помог сесть.

Мы ели мясо по-капитански. Роберт разливал шампанское, говорил один тост за другим.

Я нарочно несколько раз роняла вилку и наклонялась за ней одновременно с услужливым Робертом. Наши руки соприкасались, и я ощущала его страстное дыхание. Иногда я тянулась за салатом, еще больше обнажая и без того открытую грудь, и ловила на себе ревнивый взгляд Светланы.

– Женя, а почему вы не пригласили на обед своего молодого человека? – не выдержав, спросила она.

– У меня нет молодого человека, – широко улыбнулась я

и поправила упавшую на глаза челку.

– Вы поссорились со старым приятелем, а новым еще не успели обзавестись?

– У меня нет приятеля и никогда не было. – Я с вызовом посмотрела на Светлану.

Она немного смутилась, пытаясь скрыть растерянность, но потом вдруг задала хамский вопрос:

– Так ты еще невинна? Не спала с мужчиной? Милая, ты много потеряла. Ты уже довольно взрослая девушка, неужели у тебя не срабатывает природный инстинкт? Как-нибудь без Роберта мы обязательно посплетничаем на эту тему. Я расскажу тебе много интересного и поучительного.

Не растерявшись, я ухмыльнулась и сказала довольно спокойно:

– Я не невинна и толк в сексе знаю. Когда не будет Роберта, я поведаю тебе пару занимательных историй. Уверена, после нашего разговора ты откроешь для себя много нового. Чтобы заниматься сексом, не обязательно иметь приятеля.

Светлана отложила вилку и нервно схватилась за сигареты. Роберт попытался смягчить ситуацию, но ему это не удалось. Обед закончился в молчании.

Вскоре позвонил Игорь Николаевич:

– Женя, добрый день. Ты нашла папку?

– Еще нет, – тяжело вздохнула я. – Перетрясла весь кабинет, но она сквозь землю провалилась.

– Ничего не понимаю. – В голосе Игоря Николаевича про-

звучали недовольные нотки. – Ты уверена, что хорошо иска-
ла?

– Конечно. Если не верите, приезжайте и ищите сами.

– Именно так я и сделаю, – Игорь Николаевич бросил
трубку.

Я тут же пожалела, что не успела спросить про Виктора.

– Женька, у тебя проблемы? – донесся до меня голос Ро-
берта.

– С чего ты взял? Отец даже умереть нормально не мог...
Оставил нерешенные дела, за которые теперь приходится от-
дываться мне.

– Ты объясни, что не имеешь к ним никакого отношения.
Нет человека, нет никаких дел.

– Верно. Только есть люди, которые не желают ничего по-
нимать.

Ни на кого не глядя, я ушла к себе.

Упав на кровать, я закрыла глаза и сжала кулаки. Обильно
наложенный тональный крем испачкал наволочку.

Перед глазами возник отец – большой и властный чело-
век, а рядом я – слабая, бессильная и беззащитная...

Я отчетливо помню тот страшный вечер. Роберт улетел
в Англию. Я сидела в своей комнате и играла в игрушки.
Дверь открылась, в комнату вошел отец. Он посмотрел на
меня каким-то странным взглядом, таким, каким он никогда
не смотрел на меня раньше. Я прижала к себе куклу и испу-
ганно спросила:

– Папочка, ты что?

Отец ничего не ответил, резким движением сорвал с меня платье, разорвал трусики и... из насильно. Потом это насилие повторялось изо дня в день, за исключением тех счастливых моментов, когда он был в командировках. Сначала я плакала и сопротивлялась, но затем поняла, что сопротивляться бесполезно... Наверное, именно тогда я полюбила темноту.

В темноте я чувствовала себя защищенной, а самое главное, в ней я могла спрятаться от отца...

Шли годы. Из забитой маленькой девочки я превратилась в зрелую девушку, и рядом со мной по-прежнему был только один мужчина – мой отец. Чувство страха никогда не покидало меня. Я безропотно выполняла все его прихоти и желания. Я стала похожа на зомби! Я полностью подчинилась своему господину, а мой господин наслаждался своей властью и пользовался мной, когда хотел... У меня не было ни друзей, ни подруг, потому что я получала образование дома. Отец изолировал меня от внешнего мира и навязал мне свой образ жизни.

Глава 5

Смахнув слезы, я горько всхлипнула. Будь он проклят, этот недочеловек, этот зверь! Нет ему прощения, пусть горит в Аду!

Неожиданно открылась дверь, и на пороге появился Роберт. Он сел на краешек кровати и доверительно сказал:

– Женя, я бы очень хотел, чтобы вы со Светой поладили. Она хорошая девушка, поверь. Просто она еще не адаптировалась.

Я подняла голову и пристально посмотрела на Роберта:

– К чему она не адаптировалась? К роскоши? К чужому богатству? Извини, Роберт, если я что-то сказала или сделала не так. Я не хотела обидеть ни твою вторую половину, ни тем более тебя.

– Почему ты плачешь? – испуганно спросил он, разглядев мое измазанное косметикой лицо.

– Я не плачу. Я просто немного расстроилась. Это никак не связано с тобой. Не бери в голову.

– Женя, он тебя насиловал? – чуть слышно спросил Роберт и взял меня за руку. Его губы заметно дрожали, а на глаза подозрительно заблестели. – Я это понял, как только увидел картину. Он отправил меня в Англию для того, чтобы жить с тобой. Господи, какой я дурак, что не понял это сразу...

– Теперь ты это понял, и что это меняет? Уходи. Я хочу побыть одна, – сквозь слезы произнесла я и слегка оттолкнула Роберта.

Роберт сел на пол и положил голову мне на живот.

– Женька, это же чудовищно... Я всегда восхищался своим отцом. Он был трудолюбив, удачлив в делах, расчетлив и никогда не проигрывал, но я... Я не-на-ви-жу его за то, что он сотворил с тобой.

– Я не нуждаюсь в твоей жалости. Я же просила тебя уйти. Слишком поздно ты обо мне забеспокоился. Слишком поздно ты обо мне вспомнил...

– Я всегда о тебе помнил. Тебя невозможно забыть.

– Пошел вон, – глотая слезы, сказала я и уткнулась лицом в подушку.

Роберт быстро встал и вышел из комнаты. Полежав несколько минут, я встала с кровати, села у зеркала и стерла с лица остатки косметики.

– Ничего, Роберт. Я расквитаюсь с тобой за отца. Ты такой же, как и он, потому что ты с ним одной крови.

Сделав несколько набросков, я хотела уже пойти спать, как услышала пронзительный телефонный звонок. В гостиной я увидела брата, держащего телефонную трубку.

– Женя, тебя спрашивает какой-то молодой человек. – В голосе Роберта слышались ревнивые нотки.

– Молодой человек? Он представился?

– Да, его зовут Виктором.

– Виктор?! – Я почувствовала, как учащенно забилося сердце и потемнело в глазах.

Взяв трубку, я посмотрела на Роберта с молчаливой просьбой покинуть меня.

– Але, Женя, это Виктор! – В трубке слышалось прерывистое дыхание. – Женя, ты меня узнала?

– Да, – твердо сказала я и вновь посмотрела на Роберта. Поймав мой взгляд, он отошел от телефона, делая вид, что его совершенно не интересует этот звонок.

– Виктор, ты где? – испуганно спросила я.
– Я и сам толком не знаю, – как-то растерянно ответил он и вновь тяжело задышал. – Женя, дело в том, что за меня требуют выкуп... Нужно пятьдесят тысяч долларов, тогда меня отпустят. Я уже всех обзвонил – и никакого толку. Мне больше не к кому обратиться... Я решил позвонить тебе.

Мне показалось, что еще несколько слов, и я просто-напросто не смогу удержать телефонную трубку. В висках пульсировала кровь, на лбу выступил холодный пот.

– Господи, а я здесь при чем?
– Просто я подумал, что совсем недавно оказал тебе одну довольно странную услугу... Окажи и ты мне.

– Ничего себе услуга, в пятьдесят тысяч долларов! – Я присвистнула и украдкой взглянула на Роберта.

– Женя, я же тебе говорю, мне больше не к кому обратиться. Когда меня отсюда выпустят, я обязательно соберу всю сумму и незамедлительно верну. Можешь не сомневаться.

– А как же Игорь Николаевич?

– Игоря Николаевича нет на месте. Он уехал и неизвестно когда вернется, а у меня каждая минута на счету. Каждая минута может стоить мне жизни, пойми.

– Понимаю, – прошептала я и постаралась унять дрожь в коленях. – Но ведь я тоже не могу собрать такую сумму за считанные секунды! У меня нет таких денег.

– У тебя, может, и нет, а у твоего отца найдутся. Если такой суммы нет в его сейфе, сними в банке. Женька, помоги, иначе через не сколько часов я стану трупом.

– Да, конечно, – растерянно пробормотала я и уже более уверенно спросила: – Что я должна сделать?

– Достань нужную сумму и поезжай на железнодорожный вокзал. Подойдешь к автоматическим камерам хранения и найдешь кабинку с номером сто двадцать три. Положишь деньги туда и выставишь на кабинке код – семь, три, пять, пять. Потом сразу возвращайся домой и жди моего звонка.

– А если эта кабинка будет занята?! – истерично воскликнула я и чуть было не выронила трубку.

– Она будет свободна, – резко ответил Виктор и уже более ласково добавил: – Женька, выручай. Как только меня освободят, мы с тобой с деньгами разберемся. Ты внакладе не останешься. Понимаешь, дело идет о моей жизни. Я ведь такую девушку встретил...

– Какую еще девушку?

– Я встретил тебя.

От неожиданности я бросила трубку и залилась алой краской. Роберт взял меня за локоть и испуганно спросил:

– У тебя неприятности? Ты не хочешь поделиться своими проблемами?

– У меня все хорошо, – отрезала я и бросилась в кабинет.

Светлана, столкнувшись со мной в коридоре, шарахнулась в сторону. Я плотно закрыла за собой дверь и открыла сейф. Перед глазами стоял Виктор. Было страшно подумать, что буквально через несколько часов он может стать трупом. Я достала аккуратно сложенные пачки долларов и принялась считать. Было ровно пятьдесят шесть тысяч. Эти деньги отец хранил на полке, аккуратно перетянув пачки резинкой от бигуди. Отложив пятьдесят тысяч, я засунула их в черный целлофановый пакет, остальные положила в сейф. Только я успела закрыть дверцу, как в кабинет вошел Роберт. Я взяла со стола пакет и недовольно проворчала:

– Ну что ты, ей-богу, за мной по пятам ходишь... Займись лучше своей Светланой. Привез в дом девушку и совершенно не уделяешь ей внимание. Некрасиво как-то получается.

– Светлана не просто девушка, Светлана моя будущая жена, – обиделся Роберт и мельком взглянул на черный пакет.

– Мне совершенно безразлично, кем она тебе приходится, – резко бросила я и быстро вышла из кабинета.

Перескакивая через ступеньки, я выскочила из дома и вывела машину из гаража. Откинувшись на спинку водительского сиденья, старалась успокоиться, но до полного спокой-

ствия было далеко. Я никогда не любила этот автомобиль, потому что в нем все напоминало об отце... В бардачке лежала кипа его рабочих бумаг, в пепельнице валялись его окурки. Даже на заднем сиденье красовался его малиновый галстук, до которого я так и не смогла дотронуться.

Положив пакет рядом с собой, я выехала на шоссе и облегченно вздохнула. Наверное, я и сама не ведала, что творила в данный момент, но твердо знала, что эти деньги играют решающую роль в жизни человека, с которым совершенно случайно свела меня судьба. Нажав на газ, я помчалась быстрее и, для того чтобы успокоить нервы, включила музыку на полную катушку.

Перед глазами вновь возник отец. Будь он проклят! Когда же наконец я смогу от него избавиться?! Мало того что он мучил меня при жизни, так он не отпускает меня даже после своей смерти.

Неожиданно вспомнился небольшой двухэтажный Дом ребенка. Я, маленькая девочка с короткими косичками, играю с такими же брошенными детьми, как я. Мы сидим на старом, допотопном, поеденном молью ковре и рассматриваем свои затертые игрушки. Я ловлю злобный взгляд нашей воспитательницы и опускаю глаза. Мы все называли ее мамой, но не потому, что нам так хотелось, а потому, что нас заставляли ее так называть. Я всегда боялась эту воспитательницу, потому что она могла наказать за любую провинность: поставить в угол, ударить или хорошенько оттащить за

волосы. Она называла нас подкидышами и каждый раз унижала каким-нибудь обидным словом. Когда нас выводили за пределы детского дома, я с любопытством смотрела на молодых мам, которые катали коляски с нарядными, разодетыми малышами. Они говорили им ласковые слова, дарили игрушки, целовали... Я верила, что моя мама тоже где-нибудь живет, она обязательно обо мне вспомнит и заберет при первой возможности. Она очень добрая, ласковая и очень сильно меня любит. Конечно, в душе я по-детски на нее злилась, но знала, что, как только она за мной придет, я прощу ей все на свете и прижмусь к ее груди. Но время шло, а мама по-прежнему за мной не приходила, и я вновь и вновь засматривалась на дорогие коляски и с завистью улыбалась чужим мамам. Воспитательница ругалась и отвешивала мне подзатыльники. Я тихонько всхлипывала, сжимала кулаки и опускала глаза.

По ночам, когда другие дети засыпали в полуразваленных кроватях, я поднимала голову и прислушивалась к каждому шороху. Как только до моих ушей доносились из коридора шаги, я вскакивала с кровати и приоткрывала дверь. Мне по-прежнему казалось, что это пришла моя мама. Она очень долго добиралась и поэтому смогла приехать только ночью. Быстро приглаживая волосы, чтобы, не дай бог, мамочка не увидела меня лохматой, я высовывала в коридор голову и... встречалась с ненавидящим взглядом воспитательницы. Она курила сигарету и пускала в мое лицо струйки

едкого, невкусного дыма. Я громко кашляла и терла заслезились глаза. Через несколько секунд, получив очередной подзатыльник, я бежала к кровати и пряталась под одеялом. А однажды... Про это даже не хочется вспоминать...

Мне не хотелось вспоминать, но прошлое плотно взяло меня в тиски и никак не хотело отпустить. Однажды я узнала, что у детей бывает не только мама, но и папа. Ранним утром нас нарядили в праздничную одежду и по строили в музыкальном кабинете. Вошел мужчина и стал оглядывать каждого с головы до ног. Воспитательница громко объявила о том, что этот мужчина хочет удочерить маленькую девочку и стать ей отцом. Мальчики его не интересуют. Поэтому мальчики должны сделать шаг вперед и отойти в противоположную сторону. Мужчина ходил вокруг нас, придирчиво разглядывал. Так повторилось несколько раз, а потом, остановившись рядом со мной, он спросил, как меня зовут, и протянул мне большую плитку шоколада. Я посмотрела на него благодарно и моментально раскрыла шоколад. Затем поломала его на множество маленьких кусочков и поделилась со всеми. Остался всего один крохотный кусочек. Я поднесла его к носу, блаженно понюхала, посмотрела на свет и с нескрываемым удовольствием проглотила. Мужчина громко засмеялся и подошел к воспитательнице. Они о чем-то говорили, показывая на меня. Я же рассматривала обертку от шоколада и чувствовала себя самой счастливой на свете. Мне было безумно приятно, что незнакомый дядя дал шо-

колад именно мне, а не кому-нибудь другому.

Вскоре мужчина уехал, а воспитательница добреньким голоском сказала, что мне повезло, потому что очень скоро у меня будет па па. Я спросила, а будет ли у меня мама? Воспитательница засмеялась, взяла меня за подбородок: «Милая, радуйся тому, что незнакомый дядя обратил на тебя внимание и хочет стать твоим отцом. Запомни, не во всех семьях бывают мамы и папы. Во множестве семей есть либо одна мама, либо один папа. Ты должна быть счастлива, что теперь у тебя будет папа. Если бы не этот дядя, сомневаюсь, что ты вообще кому-нибудь будешь нужна. В таком возрасте не усыновляют. Ты должна ползать на коленях и целовать ему ноги...» Через неделю мужчина приехал вновь и ласково сказал: «Ну что, малышка, поехали домой. Я познакомлю тебя с твоим братиком».

Услышав эти слова, я встала на колени и стала целовать мужчине ноги. Воспитательница громко засмеялась. Мужчина поднял меня с пола и тихо сказал: «Никогда так больше не делай. Я же твой отец». – «Я просто хотела вас отблагодарить», – чуть слышно сказала я и растерянно посмотрела на воспитательницу. Воспитательница, не переставая смеяться, покрутила пальцем у виска: «Дура ты малолетняя. Я же пошутила. Шпана недоразвитая».

Через несколько минут я уже сидела в машине со своим новоиспеченным отцом и лакомилась конфетами и печеньем, которые лежали на заднем сиденье автомобиля. Вско-

ре мы подъехали к шикарному дому, у порога которого меня ждал Роберт. Он взял меня за руку и дружелюбно сказал, что с этой минуты будет мне братом и что его мама умерла два года назад. Я кивала и без остановки засовы вала печенье в рот. В доме было целое море игрушек... Их было так много, что у меня разбежались глаза, я боялась к ним прикоснуться. Роберт показывал свои машинки, солдатиков, электронные игрушки. Я улыбалась, прижимала к себе пакет с печеньем и не переставала жевать. Роберт хотел было забрать его у меня, чтобы мы могли поиграть, заверил, что через несколько минут домработница позовет ужинать, но я вцепилась в пакет мертвой хваткой и визжала что было сил. Это была одна из детдомовских привычек, от которых мне постепенно пришлось отучаться. Роберт отпустил пакет и смотрел на меня испуганно. Я забилась в угол комнаты и продолжала засовывать в рот по несколько печенюшек одновременно. В тот вечер мой новый папа вызвал врача, потому что у меня сильно заболелся живот. Врач прописал мне какие-то таблетки и строжайшую диету.

Вечером Роберт пришел ко мне, гладил по голове и все удивленно спрашивал: «Зачем ты так много ешь? Никто у тебя ничего не отберет. У нас всего много – и печенья, и тортов, и разных десертов. Домработница печет вкусные пирожки с абрикосами и черникой. Как только ты выздоровеешь, она обязательно их тебе приготовит». В комнату вошел отец и положил рядом со мной красивую Барби. Я не сколько

раз поцеловала ее и прижала к себе. «Спасибо, папа», – тихо сказала я. Отец сел рядом с Робертом, взял меня за руку. «Скоро у тебя будет много игрушек, нарядных платьев. Я буду одевать тебя как куклу. Ты будешь иметь все. Ты станешь самой красивой девочкой на свете, я выполню любую твою прихоть, любой твой каприз. Ты никогда не будешь знать отказа. Только и ты не обижай старика и тоже ни в чем ему не отказывай...» В тот момент я еще не знала, о чем он говорил, и радостно кивнула...

Я посмотрела на себя в зеркало и вытерла слезы. Хватит предаваться воспоминаниям. Так можно просто сойти с ума. Во всем виноват Роберт. Приперся со своей будущей женой и нарушил мою размеренную жизнь. Но ничего! Я справлюсь с ним. Он последует туда же, куда последовал его отец. Никто не отберет то, что принадлежит мне по праву...

Глава 6

У вокзала я вышла из машины, огляделась. Мне всегда было беспокойно, если приходилось оставлять ее там, где много народу, – уж слишком вызывающий, дорогой автомобиль, а отец так и не поставил сигнализацию.

В зале ожидания я вдруг почувствовала, как больно защемило сердце. По всей вероятности, это просто нервы. Так много событий за такой короткий промежуток времени! Никакое сердце не выдержит. Я купила стакан холодного апельсинового сока и стала пить мелкими глотками, не переставая оглядываться по сторонам. Мне казалось, что кто-то за мной наблюдает, следит за каждым моим шагом. Господи, и какого же черта меня сюда принесло! Сидела бы дома, писала картины и не влезала ни в какие истории. Вспомнив о Викторе, я поняла, что медлить нельзя, в любой момент с ним может что-нибудь случиться.

Я спустилась к автоматическим камерам хранения и подошла к нужной ячейке. Неподалеку от меня стоял молодой парень и пытался запихнуть в небольшую ячейку довольно увесистую сумку.

– Она не влезет, – сказала я.

– Что? – Парень удивленно посмотрел на меня и опустил сумку на пол.

– Я говорю, что ваша сумка не влезет. Вы зря стараетесь,

только время теряете. За билетными кассами есть обычная камера хранения, лучше всего обратиться туда.

– Там дороже, – смущенно сказал парень и снова принялся запихивать свою сумку в ячейку. – Должна залезть, зараза, – пробурчал он себе под нос.

Неожиданно он оказался рядом со мной.

– Может, в эту попробовать...

От растерянности я потеряла дар речи, но, увидев, как этот идиот стал пихать свою сумку в ту самую ячейку, которая предназначалась для того, чтобы я положила в нее деньги, взяла себя в руки и постаралась его оттолкнуть:

– Вы что себе позволяете?! Это моя кабин – ка! Немедленно отойдите! Идите откуда пришли!

– Ты ее что, купила? Вот когда ты ее вы купишь, тогда и команду. Попробую запихать сюда, а та, по-моему, поломана.

– Они все одинаковые. Тут целая куча свободных ячеек. Почему вы прицепились имен но к моей?! – Я чувствовала, что еще совсем немного, и у меня начнется самая настоящая истерика.

– Ну так и иди к другой, если их целая куча, – небрежно бросил парень и со всей силы стал запихивать свою сумку.

Мне показалось, что вот-вот он ее туда запихнет. Мне стало совсем плохо, потемнело в глазах. Я стала его оттаскивать. Парень покраснел до кончиков ушей, резко меня оттолкнул и злобно прошипел:

– Что тебе нужно, придурочная? Отвали! Сумка уже почти залезла.

Сжав кулаки, я зло крикнула:

– Ну, придурок, я тебе сейчас устрою! Бросившись наверх, я добежала до первого попавшегося дежурного милиционера:

– Товарищ милиционер, там хулиган ячейки ломает!

Посмотрев на мое перепуганное лицо, милиционер не заставил себя долго уговаривать и последовал за мной. Как только мы спустились к автоматическим камерам хранения, я с ужасом увидела, что парень запихнул в кабинку уже большую часть своей сумки. Я бросилась на него с кулаками, бормоча:

– Вот сволочь, ну откуда ты свалился на мою голову. Немедленно вытаскивай свою сумку, или я сдам тебя в милицию!

Парень заметил милиционера и что есть силы надавил на сумку. Сумка вошла в ячейку на удивление быстро. Парень потер руки и по смотрел на меня довольно. Ничего не понимающий милиционер подошел к нам ближе.

– Вы что тут безобразничаете? – строго спросил он.

– Ничего я не безобразничаю, просто поставил свою сумку.

– Но ведь она же у вас туда не влезала?

– Влезла, – улыбнулся парень и опять потер руки. – Куда б она делась.

Милиционер попросил молодого человека показать документы. Проверив, отдал их владельцу и тихо сказал мне:

– Девушка, вы успокойтесь, ничего страшного не произошло. Все в порядке. Человек просто положил сумку...

– Такие сумки нельзя класть в ячейки. Он же ее вытащить не сможет. Есть же обычные камеры хранения.

– Но ведь сумка вошла...

– Если бы вы только видели, как он ее туда запихивал! И вообще, это моя ячейка!

– Тут личных ячеек нет, – сурово сказал страж порядка, отдал честь и пошел наверх.

Что же делать? Надо попытаться уговорить этого парня. Я дружелюбно посмотрела на него и ласково произнесла:

– Понимаешь, мне эта ячейка позарез нужна. Будь другом, уступи ее мне.

– Не уступлю. Мало того что ты на меня с кулаками кидалась, так еще и мента привела. Стукачка хренова. Отвали, я хочу код выставить, а при тебе это делать не буду.

– Послушай, хочешь, мы достанем твою сумку и отнесем в нормальную камеру хранения? Я за все заплачу и даже дам тебе денег на бутылку хорошего коньяка. Так сказать, плачу отступные.

– Ты что, богатая, что ли? – усмехнулся парень и оглядел меня с ног до головы.

– Нет. Просто у меня выхода нет. Мы с одним моим знакомым договорились, что именно в эту ячейку я должна по-

ложить свой пакет, а он придет и заберет его.

– А с чего ты взяла, что эта ячейка должна быть свободна? Не я, так кто-нибудь другой бы ее занял.

– Он обещал, что она будет свободна, – задумчиво сказала я.

– Тогда ты положи свой пакет в другую ячейку и запомни ее код. Потом позвонишь ему и дашь другие координаты.

– Боюсь, что он больше не выйдет со мной на связь... – Я почувствовала, как на глаза навернулись слезы.

Наверное, это как-то повлияло на парня. Он махнул рукой и растерянно пожал плечами:

– Ладно, твоя взяла. Только ты за все платишь и покупаешь мне коньяк.

– Конечно! – обрадовалась я.

Следующие полчаса мы, смахивая пот и переводя дыхание, поочередно пытались вытащить сумку из кабинки. Когда наконец нам это удалось, я радостно захлопала в ладоши:

– Ну, а теперь отволочем твою сумку в камеру хранения!

– Сначала ты положи свой пакет, а то, пока мы ходим, твою кабинку опять кто-нибудь займет.

Я посмотрела на пакет и перевела взгляд на парня. Видимо, парень понял мое замешательство и отвернулся.

– Можешь выставлять код. Я не смотрю. Мне твой пакет и даром не нужен.

Я подумала, что последнюю фразу он сказал зря. Если бы он только знал, что в нем лежит... Выставив код, я окинула

ячейку любящим взглядом и глубоко вздохнула.

– Дело сделано. Можешь поворачиваться. Поднявшись к обычной камере хранения, мы сдали его сумку, я заплатила за ее хранение. Молодой человек бережно положил квитанцию себе в карман и подозрительно посмотрел на меня:

– Ну а как насчет коньяка?

– Как обещала, – улыбнулась я и повела его к буфету. – Куда едешь? – нехотя поинтересовалась я для того, чтобы хоть как-то нарушить нелепое молчание.

– В Хабаровск, к родителям.

– Далеко.

– Привык. Я к ним каждый год приезжаю. На самолете очень дорого, приходится трястись на поезде. Главное, чтобы нормальная компания попалась. С нормальной компанией и дни быстро летят.

У стойки буфета я сказала:

– Выбирай свой коньяк. Ты выбираешь, я плачу. Будешь угощать им свою компанию.

– Я же не знаю, какими деньгами ты располагаешь...

– Выбирай, что нравится. В пределах разумного, конечно.

Парень остановил свой взгляд на «Белом аисте» и решительно показал на него пальцем. Оплатив коньяк, я с гордостью протянула его своему новому знакомому:

– Держи. Ты даже не поверишь: сегодня ты спас жизнь одному человеку.

– Какому еще человеку?

– Это тебе не обязательно знать. Главное, что ты освободил эту чертову ячейку. Ну ладно. Было очень приятно познакомиться. Счастливого пути. В поезде со своей компанией обязательно вспомнишь обо мне, как только достанешь коньяк.

Парень повертел в руках бутылку и усмехнулся:

– Ты знаешь, сначала это знакомство показалось мне совсем неприятным, а теперь даже ничего. Я даже не знаю, как тебя зовут.

– Женя.

– А меня Олег. Женька, а ты что такая белокожая? Солнца, что ли, боишься?

– Боялась, а теперь я уже ничего не боюсь. Как только разгребу дела, обязательно пойду в солярий.

Олег посмотрел на меня как-то печально и грустно сказал:

– Ну ладно. Я пойду. Не буду тебя больше задерживать.

– Удачной дороги, – весело подмигнула я и зашагала к выходу.

Оглянувшись, я увидела, что Олег все так же грустно смотрит мне вслед, и махнула ему рукой.

На улице я подняла голову и посмотрела на солнышко. Показалось, что оно тоже на меня смотрит и протягивает мне свои добрые, заботливые лучи. К черту эту ночную жизнь! Никаких свечей! Никаких жалюзи! Мне больше некого бояться и не от кого прятаться. Как только удастся решить вопрос с Робертом, я обязательно поеду на пляж и поваляюсь

на раскаленном песке. Я буду радоваться как ребенок, радоваться до слез. И эти слезы будут понятны только мне одной, потому что никто не поверит, что я лежу под жгучим солнцем в первый раз в жизни. В первый раз... Теперь многое будет в первый раз...

Подойдя к стоянке, я резко остановилась: рядом с моим лимузином крутились двое мальцов. Один ковырялся в замке, а другой посматривал по сторонам – не идет ли хозяин. Не успела я сообразить, как они оказались в машине. Очнувшись, я замахала руками и закричала так громко, насколько хватило сил:

– Угоняют! Машину угоняют! Милиция!!!

Я услышала, что заработал двигатель, и в ту же секунду раздался страшный взрыв. Упав на землю, я обхватила голову руками. Гудело в ушах.

Глава 7

Мне не верилось, что я осталась жива. И что вообще все это происходит в реальности. Вой милицейской сирены заставил меня поднять голову, и я с ужасом увидела то, что осталось от лимузина. Мощный взрыв изуродовал и несколько соседних машин. Я села на землю и громко зарыдала. Не знаю, сколько времени я так просидела, пока ко мне не подошел сотрудник милиции и помог встать. На месте взрыва собралось много народу. Люди в форме омоновцев взяли стоянку в плотное кольцо, отгоняли ротозеев на безопасное расстояние.

– Опять террористический акт! – судачили в толпе. – Как дальше жить, если взрывают прямо в центре города?..

– Диверсия! – не унимался кто-то.

– Вокзал хотели взорвать!

– Вы хозяйка машины? – услышала я голос милиционера, который помог мне встать.

– Я шла к машине, а ее хотели угнать, – пробормотала я и с ужасом посмотрела на обгоревшие останки двух угонщиков.

– Вам повезло, на их месте могли быть вы. У меня перехватило дыхание, хотелось кричать, забиться в истерике. На их месте могла быть я... Господи, а почему именно я?! Получается, что кто-то хотел меня убить... Но кто? Виктор? Нет, ему самому нужна помощь. Тот, кто его держит?

– Вам придется проехать в отделение, – сказал милиционер. – Эксперты уже принялись за работу. По всей вероятности, сработало взрывное устройство.

– Да, конечно, сейчас. Но... мне нужно в туалет. Мне очень плохо, – прошептала я и, пошатываясь, направилась в сторону вокзала. Перед глазамиплыли желтые круги, в ушах гудело, а сердце билось с такой бешеной скоростью, что мне казалось, еще немного, и оно просто выскочит из груди. Наверное, я была очень грязная, потому что черт знает сколько времени пролежала на асфальте. Спустившись в автоматическую камеру хранения, я подошла к ячейке, куда еще совсем недавно положила пакет с долларами. Дрожащими руками набрала нужный код и открыла дверцу. Ячейка была пуста. Не поверив своим глазам, я сунула внутрь голову. Пусто. Получается, что в тот момент, когда взорвалась моя машина, кто-то забрал деньги. Крепко держась за перила, я стала медленно подниматься в зал. Я едва держалась на ногах.

Меня хотели убить те люди, которые держат Виктора, пронеслось у меня в голове. Пока я возилась с ячейкой, они положили в машину взрывное устройство. Но зачем? Кому нужна моя смерть? Опершись на перила, я присела на ступеньку и поняла, что дальше просто не могу идти. В этот момент кто-то обнял меня за плечи.

Это был тот же самый милиционер, который совсем недавно поднимал меня на месте взрыва.

– Девушка, ну куда вы исчезли? Я вас по всюду ищу. Вы

как потерпевшая нужны мне для дачи показаний.

– Каких еще показаний?

– Вашу ведь машину взорвали! Придется обстоятельно побеседовать. Это же взрыв, а не детские игры. Пострадали соседние машины, погибли двое молоденьких парней. Будет вестись следствие.

– Мне плохо, – выдавила я и достала платок, чтобы промокнуть пот.

– Может, вам «скорую» вызвать?

– Сейчас пройдет.

– Вам придется проехать с нами в отделение. Необходимо установить, с чем связан этот взрыв. Сожалею, но машина восстановлению не подлежит.

Следователь, который вел мое дело, оказался ухоженным мужчиной средних лет, он непрерывно курил и сверлил меня пристальным взглядом. Узнав, что я дочь одного из самых известных адвокатов в городе, он выронил сигарету и как-то растерянно спросил:

– Марышкин – ваш отец?

– Отец, а в чем, собственно, дело?

– Я в газете прочитал, что он совсем не давно умер...

– Да, он умер. Инсульт.

– Примите мои соболезнования, – немного издеваясь, сказал следователь и сел в кресло, стоящее напротив.

– Принимаю, – невозмутимо ответила я и тупо посмотрела в окно.

– Получается, что вы ездили на машине своего отца?

– Да, а в чем, собственно, дело?

– Дело принимает новый оборот. У преступления появился еще один мотив. Возможно, вы вообще не причастны к данному преступлению. Ваш отец был очень известным человеком, очень... Скажите, у него были враги?

– Не знаю. Он никогда не посвящал меня в свои проблемы.

– Он что, не разговаривал с вами по поводу своих дел?

– Нет.

– По всей вероятности, взрывное устройство предназначалось не вам, а вашему отцу.

– Но ведь он умер, – опешила я.

– Ну не все же люди читают газеты. Тем более что ваш отец... – Следователь сморщился и закурил сигарету.

– Что мой отец?

– Он славился тем, что беспрочно защищал бандитов. Его так и называли – бандитский адвокат. Видимо, дозащищался до того, что кому-то стал неуютен. Кто-то его приговорил, не зная того, что вашего отца уже нет в живых. Никакое сердце не выдержит, если человек загребает столько денег.

Услышав последнюю фразу, я закинула ногу на ногу и нервно застучала пальцами по столу:

– Послушайте, вы пригласили меня сюда для того, чтобы обсуждать моего отца? Я не желаю слушать, что вы о нем

думаете. Оставьте свое мнение при себе.

Следователь посмотрел на меня осуждающе и резко сказал:

– Можете отправляться домой и приводить себя в порядок. Как только вы мне понадобится, я пришлю вам повестку. Моя фамилия Мельников. Зовут Владимир Владимирович.

Я хотела было встать, но следователь резко приподнялся и неожиданно махнул рукой, показывая, что еще не время вставать:

– Женя, ответьте мне еще на один вопрос. Что вы делали на железнодорожном вокзале?

Наверное, я просто была не готова к такому вопросу. Растерявшись, я тут же взяла себя в руки и нагло соврала:

– Хочу съездить отдохнуть в Крым. Я приехала узнать, на какое число есть билеты и сколько они стоят.

– Крым отменяется. Пока ведется следствие, вы должны быть на месте.

Почувствовав на себе все тот же неприятный взгляд, я не выдержала и занервничала:

– Послушайте, что вы от меня хотите? Я ничего не натворила. У меня взорвали машину, а вы смотрите на меня как на преступницу. Я сама осталась жива только по счастливой случайности. Я просто приехала на вокзал узнать насчет билетов. Не надо так на меня смотреть. Лучше распутывайте происшествие.

– Виновного мы найдем, можете не сомневаться.

– Ну, так ищите, – раздраженно бросила я и встала, чтобы уйти, но неожиданный вопрос остановил меня:

– Женя, а зачем вам была нужна автоматическая камера хранения?

Я взялась за дверную ручку, но не посмела открыть дверь.

– Вас опознал один из сотрудников милиции. Дежурный на железнодорожном вокзале. Он тоже был на месте происшествия. Он рассказал про скандал, который вы устроили у автоматических камер хранения.

Я слегка поежилась и несколько растерянно произнесла:

– Никакого скандала не было. Я увидела, как один молодой человек ломал ячейку. Он пытался запихнуть туда крупногабаритную сумку, которую не захотел сдать в обычную камеру хранения. Я посчитала это злостным хулиганством и позвала работника милиции.

На лице следователя было подобие улыбки. От его взгляда мне стало совсем плохо, заныло в груди.

– Вы требовали именно эту ячейку.

– Я уже давно ничего не требую. Тем более от сотрудников милиции.

– Вы не ответили на мой вопрос. Зачем вам понадобилась именно эта ячейка?

– Просто так. Послушайте, я что, подозреваемая? Чего вы от меня хотите?

Следователь не отрывал от меня взгляда.

– До свидания, – буркнула я и закрыла за собой дверь.

Выйдя на улицу, я глубоко вдохнула, пытаюсь прийти в себя. После общения со следователем я чувствовала себя совершенно подавленной, на душе остался какой-то гадкий осадок. Я никогда не любила своего приемного отца, но очень часто прислушивалась к его советам. В своей области он не имел себе равных, и я это прекрасно знала. Отец не очень лестно отзывался о милиции и всегда говорил, чтобы без особой надобности я не обращалась к стражам правопорядка, а уж если обратилась, то не болтала бы лишнего и на вопросы отвечала уклончиво. Любое слово могло обернуться против меня. Сейчас мне «посчастливилось» убедиться в этом на собственном опыте. Не успела прийти к следователю, как сразу же почувствовала себя преступницей.

Я поймала такси и поехала домой. Смеркалось. Таксист несколько раз пытался со мной заговорить, но я никак не реагировала на его реплики и смотрела в окошко. Притормаживая у нашего коттеджного поселка, таксист присвистнул:

– Вот это жизнь! Если не ошибаюсь, тут од – ни новые русские! Райский уголок.

Проехав КПП, я помахала рукой охраннику и устало спросила:

– А кто такие новые русские?

– Ну, наверное, такие, как вы. Дураку понятно, что простой смертный тут не поселится.

– А я что, бессмертная, что ли? Между прочим, я такая же

смертная, как и вы. Сегодня меня хотели убить и взорвали мою машину.

– Примите мои соболезнования. Жизнь у богачей всегда риск, особенно в нашем государстве.

– А вы какой русский, старый, что ли?

– Получается, что старый. Я в хрущевке живу, от жизни ничего хорошего не жду. Это лет десять назад я нормально жил. Деньги на книжку откладывал, на курорт ездил, детям будущее обеспечивал. А какое оно теперь будущее, если даже настоящего нет. Пашешь целыми днями как вол, а отложить ничего не можешь. Жена каждый день истерики устраивает, хоть из дому беги. Вы-то, наверное, та кой жизни и не видели.

– Не видела. Я слишком много лет не выходила из дома.

Машина остановилась у отцовского особняка.

– Вот это домина! – охнул таксист. – Аж дух захватывает. Честным трудом таких денег не заработаешь. Только если воруеть.

– Воровать тоже уметь надо...

– Вы давно тут живете? Вы тут родились?

– Я родилась в детском доме, – сказала я, сама не зная, почему разоткровенничалась. Наверное, потому, что таксист – случайный человек. Уедет, и все. Ему не понять, что есть моменты, когда богатство не только не радует – оно раздражает. Он не знает, какой ценой это все мне досталось... – Просто стечение обстоятельств, – задумчиво продолжала я. – Сна-

чала это стечение обстоятельств казалось мне счастливым, но спустя годы я поняла, что это не так. В Доме ребенка я чувствовала себя намного спокойнее и защищеннее, чем в этом роскошном особняке с человеком, который называл себя моим отцом...

Взглянув на ничего не понимающего таксиста, я рассчиталась и вышла из машины.

Зайдя в дом, я увидела мирно спящего в кресле Роберта. Гремела музыка. Выключив магнитофон, я подошла к брату и потрясла его за плечо. Роберт вскочил и сонным голосом спросил:

– Какой час?

– Двенадцать ночи.

Услышав это, Роберт стремительно бросился к выходу. Я пожалала плечами, поднялась к себе и подошла к зеркалу. Сказать, что я выглядела отвратительно, – значит, ничего не сказать. Я выглядела просто ужасно. Одежда забрызгана грязью, лицо какого-то черного оттенка – скорее всего от дорожной пыли и слез. Несмотря на поразившее меня зрелище, я заметила, что мои глаза не слезились, а ведь горела огромная люстра. Я с силой пнула стоявший на полу подсвечник. Больше ни – каких подсвечников и никакой темноты! Я скинула грязное платье, и в этот момент дверь распахнулась, и на пороге моей спальни появился Роберт. Он был явно испуган и ужасно возбужден.

– Женька, Светлана пропала! – выпалил он и оторопело

уоставился на мою наготу: я стояла в одних тоненьких трусиках, держа в руках нежный ажурный лифчик.

– Как это – пропала? Она что, маленькая, что ли? Не успела приехать, как уже пропала.

Глава 8

Роберт плюхнулся на первый попавшийся стул и стал бес­связно бормотать:

– Светка родилась в совершенно другой среде. Ее семья всегда жила за порогом бедности. Отец – алкоголик, мать – уборщица в столовой. Двое голодных сестер, брат – наркоман. Что такое мясо – не знали. В основном ели какую-то баланду из крупы, картошки и капустных листьев. Наверное, от этой баланды у младшей сестры развился прогрессирующий рахит. Я всегда Светку жалел. Ведь она от такой скотской жизни могла тоже стать наркоманкой, на панель пойти... А у нее гордость есть. Я это сразу заметил. Когда у меня поселилась, к нормальной жизни долго привыкала. Потом я ее сюда привез... Она от этой роскоши просто обалдела. Ведь никогда ничего подобного не видела... Ты уехала, а мы открыли бутылку виски, а я спиртное редко употребляю, поэтому меня сильно развезло. Мы отправились в спальню... а когда спустились в гостиную, я уже пить не мог, но Светка добавила... Ну и набралась. Все говорила, что повезло тебе, в таком роскошном доме живешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.